

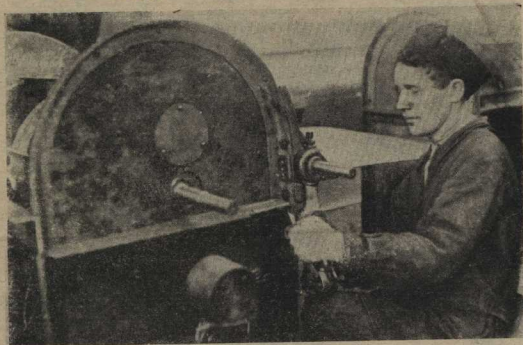

№5

СМЕНА

Издание
„Комсомольской правды“
1932 г.

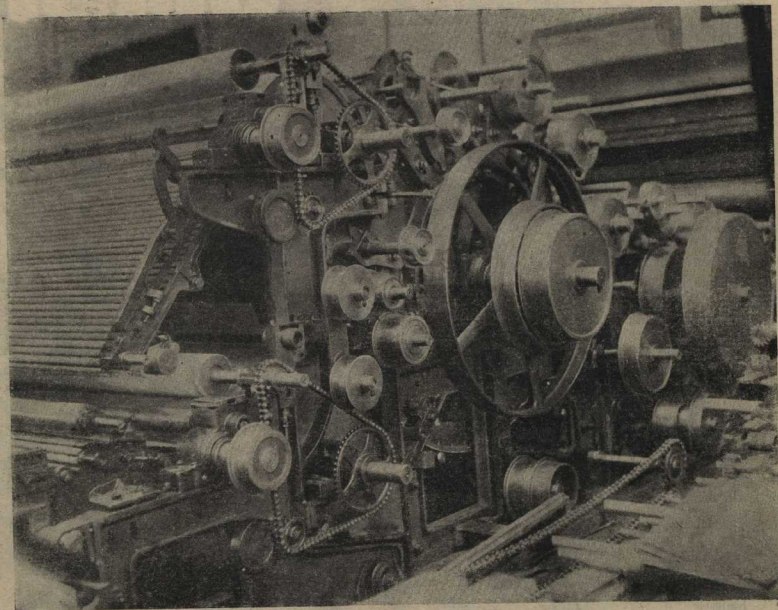
Освободим СССР от экономической зависимости

Мастер мех. завода (Ир. Пресня) тов. Ронков осматривает шерстепральную машину

„СССР во второй пятилетке выдвигается на второе место в Европе в техническом отношении. Развернутая в первой пятилетке работа по превращению СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, самостоятельно производящую машины и оборудование, будет завершена...“ (из решений XVII партконференции)

Фото П. Абштина

Шерстечесальная машина типа „Шге“. Первая машина, сделанная на Пресненском механическом заводе из советских материалов и своими мастерами. Раньше эта машина ввозилась из-за границы

СМЕНА № 5

СОДЕРЖАНИЕ.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:

Н. МЯШКО — Справка о весне и любви **А. ВОРОНЦОВ** — О затерянных единицах и «политавионарах». **М. АФОНИН** и **В. ИГНАТНУС** — Семья и фабрика. **В. ВЛАДСКИЙ** — Последние дни «Порт-Артура». **БРИГАДА МОССОВЕТА** — «Бочка меда, ложка дегтя». **Д. ЛЕБЕДЕВ** — Культура уходящей эпохи. **М. ВЕЙС** — «Победит». **Б. ЛИБЕРМАН** — Дела и дни фаворитчицы. **Б. КЛАВИН** — Под семью глоссами...
СТИХИ:

В. ДУРОВ и **С. КИРСАНОВ.**

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

И. КОЗАЛОВ — Второй сигнал. **Г. БРОВМАН** — Две повести о Донбассе. **Г. АЛЕКСАНДРОВ** — Против извращения истории ленинского комсомола. **Н. ТУЖИКИН** — Правила весны.

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ.

ШАХМАТЫ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. ГУГЕЛЯ.

Евгений Арутюнян, Васильева, Кузина, Грешкина и Лувина.

Опечатка.

В цитату из решений XVII партконференции, помещенной на 2-ой странице журнала, выралась искажающая смысл опечатка.

Первую фразу цитаты читать так:

«СССР во второй пятилетке выдвигается на первое место в Европе в техническом отношении...»

... три взывает куртки сын.
Встает безработный Джек Хетчинсон.
Молод. В плечах — косая сажень,
За спиной Оксфорд. Инженер.
Но он сегодня не может даже
Дать хлеба детям, больной жене.

... Год назад (дни тащились волоком,
Кажется минуло 10 лет)
Директор сказал: зубы на полку.

... широким плечом... нет!
Жизнь пошла по наклонности, с кручи.
Прошлое высоко, как небо.
Был он клерком, носильщиком, кучером —
Пять месяцев работы не было.

... Широкие плечи пружинит Джек.
— Годом летчи ударяет в уши...
Суровая правда: человек
Хочет ежедневно кушать.

Выходит на улицу Джек Хетчинсон.
Гудом железным встречает горол...
Туман подступает со всех сторон.
Лезет в уши, глаза и поры...

... В горе —
Соленая сырость...
Тридцать раз сменялось лицо
Полорядчиков и банкиров. *
Но тридцать первый, نابоровот,
С улыбочкой кивнул Джекту:
— Работать, хотите? На мой завод
Идите «своим человеком».

— Шпионом?
— Не слышном ли громко?
Джек отступил. И вот —
Боксерским ударом, как трипку, скомкал
Скользкий, улыбочивый рот.

... Туман с Хетчинсоном по Лондону рыщут.
Джек словно выделен мезом.
Звенит в руке добытая нищенством,
Как совесть, надрынная медочка...

Метнулись к ночи стрелки часов.
День сырал отбой.
Немного угля и чьего-то дров

Лондоном

Рис. Арутюнян

Джек принес домой.
На Лондон упала свищовая тьма,
Дома обвивая нитями.
За окном туман. В квартире — туман.
Только угарной и вловитей...

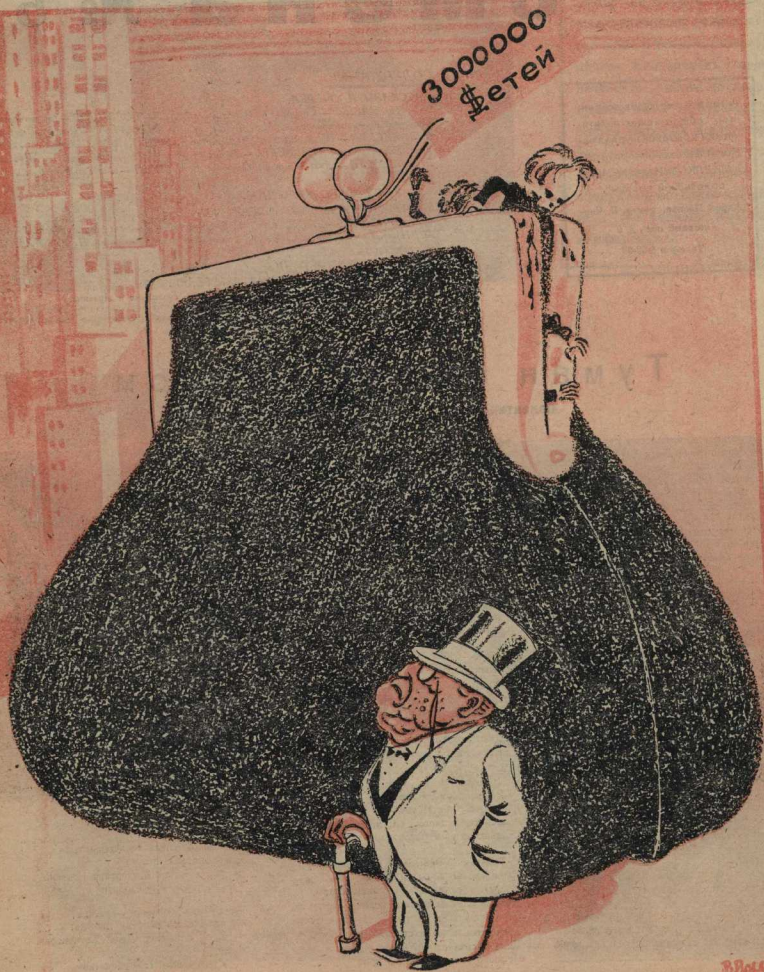
Завстрелось сенсация колесо —
«Дейли-Мейл» заметку тиснула:
«Инженер Джек Хетчинсон».

Ниже:
«Загадочное самоубийство».

МИЛЛИОНЕР

По приблизительным подсчетам в Союзных штатах 3 миллиона детей в возрасте от 6 до 16 лет подвержены эксплуатации

Частная собственность мистера Эксплуататора

СПРАВКА

о весне и любви

Рассказ Н. Ляшко

Рис. П. Лугина

Весенний ветер сгонял с полей снега, — об этом Ваня Филиппов догадывался. Ветер помогал птицам лететь на север и ополаскивал капелями город и фабрику, — это Ваня видел. В гремещем цехе стояли золотые полотноща молодого солнца. Пыль талыка забилась в них волюками серебра, а белые халаты на карамельщиках вспыхивали. Тех, для кого работа в цехе была случайной, охватывала лень и они липли к окнам:

— Взлясь-таки весна.

— Вчера гуси пролетели, а завтраму, к паску, на месте будут.

— И-да, скоро и нам пора.

— Куда это?

— А мало ли, не все ж солодеть в вашей кармашки.

— В шашей? А шаша где карамель?

— Может на небеси, чего придепает?

Глава бежал за дома, к полям, к першому ресочеру петушиного крыла на промхояющем навозе, к чмокающей под копитами зернистой земле.

Весенние ветры, как ляды на гармонике, перебирают свисты ракетных кустов, песню петуха, первый зыг жаворонка. Все это далеко где-то, но долетает до цеха, заглушает грохот, закладывает уши, заваливает глаза отчужденностью от машин и пьянит когдатошним псалхальным диллянкаем.

Этого Ваня не видел, не чувствовал, как и всегда размашисто паскался после работы в умывальной и готовился бежать в чейку, откуда — домой, из дому — в столовую, на предшасальное собрание, а с собрания может быть на ночное безбожное шествие.

Быть на собрании ему не пришлось, — у столовки его оклинула Маруся Катаева:

— Филиппок! Знаешь, меня направляют за то пятнадцать верст в колхоз работать.

Ваня окунулся в блекс ее глаз, вспомянул все разговоры с нею и пробормотал:

— Уезжайшь? Как же так, вот неладно-то... — Что ты? Там будет комсомольская чейка. Почему неладно?

Может быть оттого, что уже темнело, или оттого, что Маруся уезжала, но Ваня решился на то, что ему много раз хотелось сделать: он взял Марусю за руку и заговорил о том, что она, Маруся, самая лучшая в чейке. Это — одно, а другое — то, что ему с нею, с Марусей, море по колено, что... Маруся почувствовала, что у нее вырастает множество новых рук, которыми она обнимает Ваню. Она не дослушала, засмеялась, за себя и за Ваню решила, что собрание обойдется без них, и затворила его к набухающей водою реке.

Они бродили по набережной, сворачивали в кофешню, ненужно дилляли зачем-то купленными папирасами, плавались и опять дилляли. Перемывали кости товарищам по чейке, говорили о партии, о том, чем и кем они хотят быть, чему хочется и что мешат им учиться. Приторивались усталыми, искали вобле приженистой черныи пухтыи смалеж, сплывали на плывихи глумки, а когда глумок салылся кто-либо, спешили глумить, много ли прибыло воды.

После полуночи губы, руки и груди их ныли, но расстаться им было трудно. Ваня дал Марусю слово, что завтра придет на вокзал провозать ее, Маруся взяла с него слово, что он к першому же выходному дню пристегнет себе

один — упрощет кого-либо отработать за него — и придет к ней в колхоз.

— Вот здорово будет!

Маруся скользнула в калитку, исчезла за углом дома, а Ване казалось, что она еще не все сказала ему, вот-вот вернется, и он догадался в глубину двора. Утром, перед чаем, мать сказала ему:

— Ты вот против бога, а поглядел бы, как на тебе ныче во сне паска играва, какой несель ты был...

Ваня провел рукою по губам, покраснел и приторивился, будто забыл вымыть зубы. Слова матери всплыли в его памяти только на фабрике: на работу не вышло до ста человек, ни одной послонй бригады не было, половина вакуум-аппаратов пустовала, и цех не мог тронуться с места.

Ваня озирался, вспомянул разговоры о спешаших на север гусях и неслухом: вышедшие на работу, неслухом покнинувшие деревню новички улыбались и потирали руки:

— Вот попрыгают мастера!

Иные из них, правда, качали головами и сокрушались. По смыслу их слов выходило, будто их удивляют пустые рабочие места, и в то же время было похоже, что они осуждают вышедших на работу за недружность:

— Вот народ, распознали кто-куда, как рачки...

Они явно надеялись, что цех вот-вот распустьят, ирмачели под взглядами ударников и ко-со следили за метавшимися по цеху секретарями организаций и активистами. Среди вышедших нашлись товарищцы, работавшие когдато-то на аппаратах; полюбозлись бригады, и часть цеха с трудом работала. А чса через два григнула производственная мобилизация коммунистов, комсомольцев, активистов, выдвинженцев, умашших. Черная дотка прыглась фамилиями прогумльчиков, комсомольцы начали складывать складные бригады.

Вечерняя смена явилась еще более поределою, но утренняя заменила ее впер прогумльчиков. Напрасно Маруся бежала вдоль поезда и глазами призывала стрелкам часов подождать, пока придет Ваня. Стрелки упрямо двигались, и поезд тронулся. Ваня облизнулся в это время потом за прогумльчика и думал: «Завтра открытку пошлю».

На фабрике весь вечер дребезжали телефоны, по домам мобилизованных бежали свободные партийцы и комсомольцы, — шла подготовка к ночной смене. И не явись мобилизованные и молодежь, не останься переделовки вечерней смены, цех не сверкал бы в эту ночь огнями, с хвостом машинного его не телета бы на столах карамель. Новая смена явилась с огромным уроном.

Прогумльчики дрогнули только через два дня, но не сдались: один выходили на работу, другие, словно по уговору, не являлись на нее, а потом гучино и скупо объясняли товарищескому суду:

— Зубы болели.

— Не на кого было детей отпастить.

Ваня вечер за вечером заменяя прогумльчиков и все шире раскрывая глаза: новички елко намекали, что такие, как он, топят их, и уверял друг друга, что паска само возьмет; так нельзя гулять ее, она залает фабрику водою, но поставит на своем.

Вода бурой полосой с гулом спешила у ног фабрики и с каждым днем ширилась. Ваня вступил в дружину по борьбе с лено, он получил от Маруси ответ на открытку. Мелкие строчки заволновали его, но показались ему неприятными и чересчур умиными. Особенно резнули его слова о том, что когда любил, то не рассуждал и хопь на минутку, а приближь к тому, кого любил. Выходило, что приближать на вокзал Ване пошепал рассудок.

«Кабы в Америку ехала, приближал бы, верно», — подумал он и написал подробное письмо о фабричных делах. Теперь, казалось ему, Маруся перестает мудрить. Кто ж знал, что так разгирнется паска?

В квартире прогумльчиков стайками заедатали пионеры, здоровым вручали повестки о явке в фабком, а к большим вызывали врачей. Уже опозорены были прогумльчики-коммунисты, бригадирцы и невинившиеся на выручку комсомольцы. Уже не над кем было смеяться у кассы прогумльчиков. Цех работал увереннее, а вода ширилась, подслушно проинкала в фабричных подвалах, и насосы день и ночь выжаскивали ее оттуда. Над прогумльчиками шумели крыльми на лежках:

— Во-о, шиле залаеть.

— Уже подступает.

— Не хотели так гулять, гуляйте этак.

Вода-вскнула бурый рукав на мостовую, положила его на тротуар, стала подниматься к просмоленным щитам подвальных окон и, будто издеваясь над прогумльчиками, дрогнула и пошла наубиль.

— Не залаеть?

— Ну? Смотри, вот гадина!

— Да ведь убить бы его.

— Плавать не погуляем.
— Гуляй, семь часов работаешь.
— Это не то, во-первых.

Ваня бледнее, вытягиваясь и чуть не ежась, словно видел новое, неожиданное и шире раскрывая глаза. Не так давно ему казалось, что в цехе все одинаково, один знает больше, другие меньше, третьи совсем мало; один умеет работать, другие еще не умеют; — только и равнины. Слова о том, будто на фабрике илет борюба, казались ему выдуманными. Люди работают и все, какая тут борьба? А за дни

паша и полководца он убедился, что вокруг него люди разное относятся к работе, и к товарищам, и к фабрике, и ко всем фабрикам, что это не складывает отпечаток на работу, что это и есть борьба. Он глубже проникал в поступки окружающих, быстрее находил нужные слова и часто говорил самому себе:

— Приглядывайся, не все конши меры.

В эту пору пришло второе письмо Маруси. Он ждал его и надеялся, что в нем будут мысли, от которых окружающее станет еще яснее, но оно оставило его развешенными руками: «Чтo за чорт?» Маруся еще пространнее писала о том, что вот он не явился проводить ее, не соберется проводить ее в колхозе, что стало быть у него нет желания делать это, а раз нет желания, значит он не любит ее. Кабы любил, написал бы время и желание, но он играл с нею, вот и отговаривается прогумами, наводнение. Можно подумать, он один заменит в цехе всех прогумщиков и рукой отводит от фабрики реку.

Ваня читал письмо, вертел его и чувствовал, что чего-то лишается, что ему кто-то как бы отбирается, что ему может быть зря мерещилось в прохладных девахках Маруси та самая, которая одождит так замечательно объясняла ему, чем отличается человек от самого умного животного. Его охватило чувство неприязни к ней.

— Ох, не проводи, ох, не приехал,— вслух передразнивал он ее.— Может вам, барышня, хочется, чтобы я ради вас прогульщиком стал, чтоб вы потом могли при случае шеговать: «Ах, мой Ваня был так влюблен в меня, что прогулял, когда на фабрике прорыв пахло». А вот и не прогулял, и к чорту, к чорту, раз у вас такая тонкая игра!

— Он слоник письмо и написал на обороте:

«Это написано не мне. Если с самого начала так ломится и возится с собою, то же будет дальше? В каком комсомоле обучают этому? На словах одно, на деле другое».

Ваня потер лад и прискакал:

«Прорыв мы зубы выедем, а что у меня прорыв вышел, так и рад. Все сразу открылось. Ничего между нами не было, а что и было, так одна пыль».

Его лихорадило от досады и жалости. Он робел, он долго не мог признать Марусе в любви, а вышла в общек какая-то каша. Он отнесся подступившую к пороку горечь, со злостью надел приготовленную для поедки и Марусе рубашку и заказным отправил ей письмо обратно.

«Вот и точка, вот и точка»,— раз за разом бормотал он, и все, что мешало ему повторить эти слова, разражалало его. На фабрике он ко всем привирался, поворачивал и даже грубо отвечал на вопросы, а дома рычал, будто мать была виновата во всем, будто она сделала Марусю худшей, чем она была или должна была быть. Ему часто казалось, что в цехе его не ценят, в ячейке не замечают, а мать чувствует, что произношу у него, и распылается перед ним, как перед маленькими, глупыми словами.

Но одождит раздражение притановилось и стихло в нем. Стучилось это так: он от тоски сел за книгу, в которой за год с трудом осилил несколько страниц, раскрыл ее и удивился: в ней ничего непонятного не было. Он начал читать страницу за страницей, растерял мысли о себе и вспынул: «Почему мне раньше эта книга казалась такой трудной?»

С этого дня он реже думал о Марусе, чаще и дольше читал, но ему не раз казалось, что за книгой сидит и понимает ее кто-то другой, он же, Ваня Филиппов, попрежнему без дела болтается в ячейке, в фабкеме, в каубе, все

такое же ленивое, притворяющееся знающим, развратное. И на очередном собрании ячейки вышло так, будто взял слово и говорил не он, до того неосложненно и крепки были его предположения. Один из товарищей сказал ему:

— А похоже, из тебя выйдет не парень, а красота. При переыборах обязательно выдвинем в бюро...

Тут же следом произошло еще одно событие: в библиотеке Ваня подерживала книжка чужая, чем отличался человек от животных; он с жадностью прочитал ее и убедился, что Маруся эту книгу не не слово в слово говорила ему из этой книги. Это почти оскорбило его: от разговора о человеке и животных Маруся стала в его глазах особенной, а оказывается она забурблила прочитанное, она позолотила за себя чужими мыслями и словами. Он даже фыркнул и с неприязнью сказал:

— Граммфониона, а я, дурак, уши разнесла...
— В эти дни пришло третье письмо Маруси. В нем не было выкриков и рассуждений. Она называла его Ванюком, зливой хрюшкой, кипящим самоваром и доказывала, что он глупый и не понял ее. Она испытывала его, испытывала их любовь. Разве это влохот? А он, чудак, додумался, будто она говорит одно, а хочет другое. Но вот она приедет в город, они вновь будут бродить— «как тогда, поминишь?»— она все обяснит ему, а пока, хотя он и кипящий самовар, целует его.

Письмо показало Ване холодный, только, даже хитрый, но его конец, а главное— обидное ощущение на губах гук Маруси, а на руках теплая ее талия подлила в нем надежду: а может быть те письма действительно не настоящие? Ему хотелось, чтобы это так и было, что Маруся стала прежней. Его охватило нетерпение.

И вот Маруся пришла в цех. Товарищи и машины исчезли из его глаз. Цех замер, с минуты последя, как он вглядывается в ее лицо, в глаза, и заремел громче прежнего. Ване показалось, что перед ним не та Маруся, что это четвертая Маруся. До ночи, когда она бродила по набережной, она была одной, в ту ночь была другой, и в глазах— третьей, а теперь— четвертая. Какая из них настоящая, какая хитрит, какая испытывает его, он не знал. Желание говорить с нею, вернуть прежнюю, вернуть то, что было в ту ночь, свернулось в нем и погасло.

Он проронил обыкновенного задвигаясь у плиты, громко расспрашивал о работе в колхозе и кидал слова о ячейке, о прочитанных книгах. Маруся не почувствовала хлопотливости в нем смуты, рукою притронулась к его плечу и, как о чем-то вполне ясным и решенном, сказала:

— Ну, значит, в шесть, на той скамейке, поминишь?

Это вконец расколдовало Ваню, и он тут же спросил себя: «А зачем я пойдю?»

Вечером он почти ошущая рядом с собою Марусю, несколько раз брался за кепку, бросал ее, раскрывал книгу и в конце концов сказал:

— Давай, мать, я чайничек вскипичу! У тебя небось что-нибудь вкусное есть...

За чем он передвигал под столом ноги, кончал край клеенки, но матери казалась равнодушным, спокойным, веселым, и она радовалась... На следующий день Маруся явилась в цех сердитой:

— Что, у тебя опять наводнение было? Ваня услащив глупой стук своего сердца и сознался:

— Да, было. Я не хотел выходить, нету у меня к тебе того, что было.

Обмен комсомольских билетов на московских заводах

1

1. Почетный комсомолец, пролетарский поэт А. Безменовский получает новый комсомольский билет

2.

3.

4.

5. Комсомольцы Электровоза получают новые комсомольские билеты
4. Тов. Коган, лучший комсомолец завода им. Сталина, награжденный орденом Ленина, получивший новый комсомольский билет

— А было оно?— почти ехидно спросила Маруся.— Где же оно? В Америку убежало?

Ваню охватила недовольство за нее: «Зачем она допытывается?»

— Ты лучше о себе спроси,— отчужденно оборвал он ее.— Ты мастерица испытывать, а мне некогда.

Он верил, что Маруся вспыхнет и уйдет, но она не ушла, она захлебываясь словами, она колола его вопросами, и голос ее звенел так, будто он обманул ее. Окружающие глядели на них, и бригадир от машины позвал Ваню к себе:

— Ты — комсомолец и должен знать, где слушивают упреки девушкам.

Ваня похолодел, а когда Маруся затерялась в глубине цеха, с натугой отчеканил бригадиру:

— Есть, капитан, все конечно.

Он ошибся, Маруся еще раз напомнила ему о себе. Произошло это в начале лета, в бывшем дворническом собрании, т. е. в Доме союзов. По мраморной лестнице поднялись две смены фабрик,— третья, вечерняя, работала. Для них

гремела музыка, для них горели знамена и сверкали увешанные хрусталем люстры.

Здесь, в огнях, в просторе высокого зала, из цифр и чертежей узнали они, что в сутки делают больше, чем должны были бы сделать через два с половиной года. Здесь их голодовой труд встал перед ними огромными горами. Их поздравляли с победой.

На праздничные слова не раз падал гром оркестра. Потом к сверкающим огням замала песни рабочего похода на весь мир. Многие пели ее с поднятными головами.

На этом праздник кончился. Ване надо было спать в ночную смену, но он глядел на возвышение, где только что виднелись сияющие лица президиума. Теперь туда выходили певцы, скрипачи, таноры и заводоуправляющие борьбу и радость тысяч армяни неведомого Фигаро, призывали к неведомому тореадору и паяскам ведьм, которых нет.

Ваня ждал особенных слов и песни о том, что сделали заводоуправляющие зал тысячи, о том,

что им надо сделать, не дождался и на носках с досадой зашагал к двери. У выхода товарищ вложил ему в руку конверт. Он сбежал с ним по мраморной лестнице, пересек площадку, вскопчил в вагон трамвая и вскрыл конверт. Там была записка:

«Из газет узнала, что фабрика выполнила пятилетку в два с половиной года, и в первую очередь с победой поздравляю тебя.

Маруся».

Ваня вспомнил погововье, наску, прогульщиком, хотел позвать, что скрывается под словами Маруся—посмешица или желание ставить слушавшихся?—и не мог. Навстречу выбежал мост, гудевший в ту ночь под напором осенней воды. Из-за угла знакомо свернула освещенными окнами фабрика и как бы двинулась по нерасчлещенным отброскам огней реке.

Лунать о Марусе, о записке Ване больше не пришлось. По набережной в Дон союзов спешила вечерняя смена и окликало его:

— Флиппок, застанем?!

О затерянных единицах и „политзвонарях“

А. Воронцов

Вызванные по списку прогульщики «разговаривать по душам» сидели плотным, хмурым рядом, в нетерпеливой ожидая конца испонитного собрания. Ни один из присутствующих не соглашался раскрыть свое нутро и признаться в грехах, которые ему были неизвестны.

Одноко активничавший председатель привставал то к одному, то к другому пареньку: — Расскажи-ка по душам... Ты ведь прогульщик?

Тот, неловко доводящийся на скамейке, нехотя вставал и торопливо выкатывая исповоротливые слова, осторожно говорил: — Как же так прогульщик? Мы этого не знаем...

Действительно никто, разве никто этого не знал.

Разумеется каждый мог возразить председателю. Каждый и все могли сказать ему, о том, как они, неважные прыщавки комсомола, получив билет, остались жить лишь в равнодушных учетных ведомостях на положении затерянных единиц. Никто никогда не рассказывал им толком, где собственно кончается беспартийный и начинается комсомолец и где комсомолец превращается в большевика. Линию поведения предоставлялось искать самому. Обязанности были определены в уставе, а для политграмоты отведены соответствующие часы в графике. Поэтому все возникающие сомнения и вопросы должен разрешать уполномоченный на сей счет пропагандист.

Но... линия была неясна, а устав нудился в популярных разъяснениях и комментариях. Что же касается «счетов», то они, как правило, не соблюдались. Политкружок давно захирел. Народ лишь, когда удавалось собрать кворум, он открывал свои действия в бане или в коридоре. Чаще же всего занимались в раздевалке. Здесь, под сенью пальто, разгоряченный сектор, имеющий пристрастие к экзотическим странам, ослеплял саудагелер ферьеркером знойных и непонятно замысловатых слов. Он неизменно сводил речь к международному положению, хотя сам, признавая, путал Герма-

Рис. В. Васильева

Он неизменно сводил речь к международному положению

Большевистское воспитание рабочей молодёжи. недавно пришло в на призводство записки комсомольской организации. Этой теме, марксистско-ленинскому воспитанию и учебе, недостает как в газетной учебке по заводу «С. р. и молот» (Москва) посвящен публикуемый очерков. А. Воронцова

нию с Францией. Наиболее пытливые из ребят сперва еще склонились направить «политучебу» на иной путь, связать ее с практикой цеха. Но воодушевленный собственным голосом кружковец упрямо: мчался по континентам, выгнетая скуку и сов. Носенские еще вначале напрягались, но их карандаши тщательно ковыляли по бумаге — разве угаться! А тут еще добавок какой-нибудь из актива на-смех подмигивал:

— Деревни! Вомотиски...

Вот здесь-то сегодняшние «прогульщики» и получали представление о комсомоле. Вот здесь-то они именно и заряжались разочарованием и недоверием ко всему тому, что делалось не только на маленьком забытом заводе — в ячейке сталепрокатного цеха завода «Серп и молот». Нет, они судили о комсомоле в целом, обо всей его работе и борьбе.

Но разве их надо винить? Это было бы неправильно.

Кого же?

Кого же? Разумеется огромная, ремающая доверие вина лежит на ячейковом руководстве, которое как раз и совершило главный прогроз, проверив дело большевистского воспитателя нового комсомольского поколения типичную чиничу от политучебы. Завероженные цифрой чиничу в местечковом потоке подчас не видят человека. В глазах ребят тысячи — где же усмотреть за единицами! Единица теряет свой индивидуальный облик, характерные особенности, все присущее ей своеобразие. Никаких персональных запросов и настроений, Никаких личны качества и черт. Единица становится порядковым номером и существует лишь под именем числительным. Это — не восприятие глаза и не автор моголов. Это — объективно мекобуржуазное, кое-где еще к сожалеанию живущее представление о коллективе, как о безликом монолите, в котором нечего и искать отдельных имен.

Но единицы имеют странную привычку выказывать свое лицо, говорить собственным языком, проявлять свои чувства. И тогда не сходит баланс, исчезают цифры, пропавшая завороженность. Тогда выступает товарищ Карпукхна, молодая тинульница с восемнадцатого стола, и говорит, осливая робость, неoxidные вещи об отсутствии чуткости, внимания и заботы о новых гражданах комсомола, которые спотыкаются и порой вываляются из строя.

Ее исповедь — сигнал и предостережение.

— Вступила я в комсомол вот как. Наш товарищ Азаров мне сказал: «Давай, записишь в комсомол. Ты левка молодая, на-зубец, а не комсомолка. Смотри, вся молодежь теперь лишь в комсомол. Замечано, что ли?» А я все была против. Потом и инструктор наш стал уговаривать, обещая, что всех новичков учить будут

Я и сказала: «Когда так, давай записывай». Хотелось мне все грамотной стать. Об этом я мечтала.

Карпукхна вспоминает, какой слепой и нелюбимой была она еще полгода назад, когда только-только приехала из деревни и узнала завод.

— Ну, пошла я в комсомол. Начала учиться в ликбее. В политкружке была всего пять раз. Но что там проходили — совсем, совсем не помню. Я ведь все еще неграмотная была и вообще мало что понимаю. Да теперь и то забыла, что поила.

Пропагандист кружка, как известно, не хотел утрудять себя разъяснением устава, когда «такие события в Испании». И вот:

— Никакого устава я и не знаю, не слышала о нем, мне ничего не объясняли.

Карпукхна признается:

— Я думала, что уже представляла быть комсомолкой, потому что с самого вступления, вот уже шесть месяцев, не платила членских взносов.

Рис. В. Васильева

..Завороженные цифрой люди в заводском потоке видны не видят человека

Она молчит минуту, видимо подыскивая необходимые выражения для какой-то важной мысли. На скамейке — надрывание и прерывание. Наконец, что-то вспомина, она оживает:

— Меня втянули в ячейку, а что я там буду делать, какие там валдины союзы, — мне не обещали. Мне не сказали даже, что я должна платить членские взносы...

В политкружке она чувствовала себя беспомощной:

— Видишь, что некоторые ребята понимают, а ты сидишь и ничего не осилишь. Неграмотная ведь, мне самой очень трудно во всем разобраться.

Карпукхна перестает владеть собой, и ее волнение передается слушателям. Ее беспокоит одна мысль:

— Конечно если бы я занималась как следует в комсомоле, то больше бы узнавала, больше бы знала имена. И для чего человек живет и как ему следует жить. Теперь я оторвалась от комсомола. Но мне очень хочется быть грамотной и развитой.

Карпукхна не одинока. Карпукхним есть в каждом цехе завода. Вот хотя бы товарищ Кячлов на прокатки. Он говорит, что не помнит, когда вступил в комсомол. А он — не-

данный, «зеленый» комсомолец. Не учится. Только на кружок ходит, но разе для отсылки.

Ничего не понимаю, о чем они там говорят.

— Что же, трудно? Не привык?

— Да нет. Я читаю. Только лектор у нас с изъяснен. Как заигнет — спать хочется. Ну, я и сплю, ровно возле пещки. А то и совсем не бываю. Кончу работать, да и пошел ходить.

— Куда?

— Куда? Да так вообще. Некуда ведь...

Он, как и Карлухина, мечтает узнать, откуда рождаются вещи и как их «лучше работать», чтоб «оставляли глубокую память о том, что заложено, что живет».

Чернорабочий архитектурного цеха Комаров на заводе третий год, а в комсомоле два. Он усердно ходил на кружок.

— Да что же, мы ребята неграмотные. Соединение требуется. А грамотные ребята смеются. Надо, чтобы нас развалил, что ли, на группы!

Подумав, он добавляет:

— Вот я знаю, что я больше добился, если бы учился, а знаю конечно, что сейчас я сильно отстал.

Трудно угнаться за передовыми ребятами и товарищу Толышину из прокатки.

— Сидишь на кружке и видишь, что другие много знают, больше твоего, а ты ничего, ничего-то не понимаешь. Другие и записывают быстро, а я как начну — сижу и копаюсь.

Это — распространенная практика на заводе: заниматься чуть ли не всей ячейкой. Вот хотя бы в первой смене фанкины. Тут всех комсомольцев без разбору, — будь ты грамотный и не умеющий читать, будь ты с шестистами стажем и с двухмесячным, — записана в один кружок... повывочка. А «программу» состряпали едвиную:

— Изучить устав.

Кружок за все время своего существования не проработал шести стальных указаний победы. Не должал еще и до речи Постышева. Не чего удивляться, если слушатели не знают даже самых простых вещей, обязательных для каждого комсомольца. Что же касается истории большевизма, являющейся основой марксистско-ленинского воспитания, то она вообще программой не предусотрена.

Кружок — не единичный...

Кому же доверено большевистское воспитание комсомольцев на заводе? Нередко — малограмотным, несведущим в элементарных основах политической науки. Чему, скажем, могут научиться ребята в кружке у Торина, если он на поверку не смог даже объяснить, что такое партия, и молчал, когда его спрашивали о диктатуре пролетариата. Или же — Главина, кружковод по второй смене ремонтного цеха, откровенно заявлявший, что ему некогда политикой заниматься. Или тот же Бухарев, для которого история комсомола — «темный лес». Или же наконец Ивицкий, не знающий сущности теории «напряжения вратания кулака в социализм» и путающий авторов этой теории: это то Троцкий, не то Бухарин...

Их разумеется нетрудно переубедить любому сколько-нибудь толковому комсомольцу. Вот к примеру пропагандист в архитектурном цехе, парень из ФЗУ, Ни авторитета у него, ни уважения.

Товарищ Влодий, машинист цеха, синхронизатор к своему руководителю:

— Не совсем точно знает. Другой раз на занятиях делает ошибки. Но если ребята по-

правляют его, он нисколько не обижается, даже говорит спасибо, садится.

Может ли такой в сущности политический недоросль владеть отточенным оружием большевистского воспитания? Нет конечно. «Уч. ководителем масс» должен стать идеологически выше той массы, которой он руководит» (Постышев). А здесь — совсем иначе, получается наоборот.

Товарищ Кудашев из мартерна прав, когда говорит:

— У нас на заводе очень плохой состав пропагандистов. Вот возьмите нашего. Некавалитированный. И не знает, как начать, как подойти. Берет книжку «Азбука ленинизма», прочитает из нее, а потом спрашивает: «Вы понимаете? И если молчат — бежит дальше. Вот и все вообще. Разве же это занятия?»

Так во многих кружках. Слушателей огорчают сухой, монотонной трескотней. Напрасно они ждут здесь ответа на вопросы, возникающие за рабочий день. Тщетно они надеются разрешить с пропагандистом свои думы. Живые факты действительности существуют везде и всюду, но только не в учебе. Никакого осмысливания заводской практики нет. Политграмота вогнана в отащенный, замочаленный «курс». Она далеко еще не стала тут необходимым, действительным подспорьем молодому рабочему в его производственной работе и борьбе.

Немало конечно зависит от содержания программ — они все еще не пересмотрены, но несомненно привилегия поля играет пропагандист. А вот adesso — неблагоприятно. Вот почему пропагандистские кадры нудаются в основательном освежении, в тщательном, кропотливом отборе, в серьезной, коренной переподготовке. Нужны крепкие рабочие ребята, выросшие в цехе, живущие его практикой. На них — наша основная ставка. Нужны новые люди, теоретический уровень которых стоял бы выше.

Есть ли такие? Есть. Есть — и растут и выковываются в некоторых кружках, сумевших сочетать теорию с практикой строительными будая. Маленькая группа ребят, занятых на постройке заводского клуба, при веригерной помощи кружководов Алюшина сумела привлечь на занятия многих рабочих. Нет помещения, нет литературы, нет пособий, а участв с редким рвением и усердием. Сначала хорошенко прочли и проработали речь Постышева, а затем тут же дали каждому комсомольцу определенную нагрузку. Здесь развито соревнование, тут выключились и партийная ячейка и цеховая газета в смир марксистско-ленинского воспитания.

В третьей смене сталепрокаточного сами слушатели занялись за переделку кружка. Обсудили, докопавшись до корней, узнали, почему прогнивает каждый, привлекая путем разлентенных бесед новых слушателей. Итог отличный: еще месяц назад только 35 прок. молодежи училось, а сейчас — 60. Стебиков, Мешков, Тараканов — спорные прогульщики — теперь ведут за собой все кружок.

Комсомолу Байдакову в сталепрокаточном приходится слушать не только комсомольцев, но и беспартийные и взрослые. Среди слушателей accurately появляется даже один старик. Это знатно: учеба захватила. Есть дисциплина, есть активность, есть внимание. И это оттого, что кружок фактически преприатся в семнаго, где каждому хочется выступить и поделиться своими мыслями.

В противе студента-комсомольца из института «Сталь» тов. Курганова отгадала для кружка все свой опыт. И она, в отличие от многих студентов (хотя бы того же Торина), не знаящих, не изучающих завед, не черпающих в заводской жизни богатейшего материала для занятий, сколотила крепкую ударную бригаду полтубцев. Этого достигла она крепкой, живой связью с цехом, умением использовать практику цеха для учебных целей. А помощником у Курганова — новичок Ершов, лучший староста заводского комсомола. Его ничто к новичкам и не причисляет, а ведь он в рядках сомова только восемь месяцев. Ершов в сущности сам стал отличным пропагандистом. Он агитирует с вдохновением, даже когда собирает членские взносы. С каждаи парнем-комсомольцем ведет беседу о значении уплаты взноса, о роли комсомольской дисциплины.

Кружок крепнет. И вместе с ним вырастает товарищ Ершов — оформляется в стойкого большевика.

В шеренге передовиков — Сама Иванов.

Он организатор и руководитель комсомольской смены прокатки, тоже энтузиаст. Но он настоящий, живой. Он — рядовой комсомолец, его активист. Он показывает всея ячейке пример того, чего можно добиться, владея оружием политических знаний. Сама — один из аккуртнших в кружке, хотя живет где-то за городом. Для него учился политический грамоте — потребность, необходимость...

Как велико действие хорошо организованной учебной группы, можно убедиться, познковавшись с комсомольцем Сутрбовым.

Сутрбов долгие месяцы пребывал среди «ячеек». Он всегда разрабатывал котал головок, когда его звали на собрание или а кружок.

— Отвечаешь...

Ему голосилин.

— Ты забыл задание комсомольца.

— Исключаю...

И вот верелом — Сутрбов однажды, из любви к делу, заглянул на полтубкружок Байдаковой. Она умело всеа зантине. Сутрбов и не заметил, как преврал одного из выступавших, как сам, увеличился, ввязался в спор.

«Кружок передала его. Сутрбов теперь — один из лучших активистов ячейки. На производстве он задает тон. Это видат все. Раньше у него крутились один-два барабана (он — тинувульщик), а теперь белая карточка ударника ни дьяком оправдана.

Терпеливая и настойчивая ленинская учеба — таков путь, который должен пройти каждый комсомолец. Все этого пути нет большевистского воспитания молодых кадров пролетариата. Людям, зарожеренным шифром и влюбленным в график, ктоиоты ктати они же нарушают, кажется, что для этой цели вполне достаточно «соответствующих часов» и демократического политзаговора. Такие домслы живучи на заводе «Серп и молот». Они возникают однако не только в отадыльных административных головах. Они стаютяются практикой, разрушая кружки и шифры, уводя из комсомольских рядов ценные человеческие единицы. Эта практика должна быть разбита на-голову. Гильные корни вредных чиновничьих устремлений надо ирвать немедля. Практикой, которая действительно помогает трудовой работе воспитания нового поколения молодых большевиков, должно стать то дело, которое великолетно начал Байдаков, Ершов, Курганов, Иванов, Сутрбов. Они — на верном пути.

Семья и фабрика

М. Афонин и В. Игнатиус

Бабка Агафья—Нюрнина ровесница

Она совсем седая—бабка Агафья.

Она сидит на дубовой скамеечке, читая картовку, и на аккуратно разостланную газету плавают желтоватые стружки.

Бабка Агафья не одна. Еще три больших листа разостланы на скамее, узоромотом кафедральном полу.

Комната залита светом. На просторных подоконниках расставлены фикусы, герань, столетники. Цветы вымыты и ярко блестят зеленью.

— Куда кладешь, молодуха, — укоризненно говорит бабушка Агафья, доставая из кастрюли картошку для несрезанного лаком.

— Стара, стара, матушка, не вижу. Кабы мне...

Тут Нюрка, шустрая девчушка, которая привела нас в столовую коллектива, несядожиданно вмешивается в разговор:

— Ганя, ты всегда ворчишь... Дяденьки тебя спрашивают. Вот они.

— Милости просим, — приветливо улыбаясь, обращается к нам бабушка Агафья — Ганя, как всегда бесцеремонно называет Нюрка, и продолжает чистить картошку.

Тянутся желтые стружки, срезаемые острыми ножами, тянутся воспоминания о прошлом, о котором нам рассказывает Ганя.

— Для семейных «хозяиной» отведена 6-кубовую комнату. «Сторожики» жили. По три семьи в одной квартире. Теснота, سرما, Особливо работам. Всплывали на полу, под кроватями слышны. Горькая жизнь было. Вот только под старость хорошего увидеть пришлось. Теперь и годов не чувствую. Вот и Нюрка меня Ганей зовет. И перво, ровесницам мы с ней.

— Давно было, а и сейчас помню, как нас Савушка Морозов, фабрикант, чай знате, на работу подмал. Людей таких держал особенных. Ходили они по коридорам, в колотушки стучали и кричали что есть силы: «Денные или сменные, вставайте на работу». На всю жизнь запомнилась. Подымут грохотом чуть свет, и бежишь на голодный желудок. В казармах кипит даже не было. На фабрике чай пить и не думай — настрого запрещали. А осмелится кто, — штраф, а то и за ворота выкидывали.

Тянется прошлое тяжелой стружкой и падает, срезанное острыми ножами.

Воспоминания равнопали бабушку Агафью. — Добер был котеш Савушка. Вского припала... Суля «бабочка»: «Ао мие хот с одной сумой приходи, каждого одену, каждому ест-пить дам. И награжда. С сумой на фабрику приходиши, с той же сумой в могилу уходили...

Скочилчуть ножом чернотичку, бабушка Агафья бросила картошку в кастрюлю и медленно повторила:

— С той же сумой в могилу... *Звон колокола* Они сюда приходят ежедневно. Мало ли дел в коллективе. На кухне помочь картошку почистить, продукты разобрать, посуду убрать помочь, за детьми посмотреть, *Звон колокола*

Организоваа их бабушка Агафья Ганю и ее «инвалидную бригаду» знает весь коллектив. В яслях, в детском ли примитиве, в столовой ли, — всюду они желанные помощники.

Они совсем не похожи на богдыхальных старушек.

— Не бываю дни, когда «инвалидную бригаду» не увидишь в коллективе. В прорывные, горя-

чие дни Бабка Агафья, собрав охотниц—инвалидов, идет на фабрику.

Общественная столовая коллектива имени 8 марта пользуется в Орехове весьма хорошей репутацией. Пожалуй она самая лучшая в городе.

Помещение столовой содержится в чистоте, она опрятна, убрана плакатами, портретами, на окнах чистые занавески, столы застелены блестящей белой клеенкой. Очередей в столовой никогда не бывает. Для ребят организовано особое питание, кроме обеда и ужина они дополнительно получают утренний завтрак и вечерний чай. Питание обходится членам коллектива от 12 до 15 рублей в месяц.

Коллектив имени 8 марта существует всего один год. За это время в нем организованы детские ясли, прачечная, детпримитив, столовая. Все это создано руками самих жильцов, по их инициативе.

Каких трудов стоили один ясли. Надо было ведь сломать дополнительную морозовскую печь-кухню, чтобы освободить помещение для детей. Месяц шла война. Три раза приступали к работе крепости морозовского брата, три раза одерживали верх привычки прошлого.

От морозовской кухни не осталось и следа. Сейчас здесь образцовые ясли, здесь тепло, приветливо, чисто. Ясли прочно вошли в жизнь коллектива. Многие из тех, кто с укутаниями, со скалками отставили неприкосновенность своих горшков, с уайбой рассказывают теперь о прежних «баталиях»:

— И смех и грех. Прямо сказать, глупость наша.

— Теперь я спокойна, — говорит молодая работница Кузнецова. — Ребенок мой сит, уход за ним в яслях хороший. Я сейчас даже учиться начала, опять на фабрике работаю, а то было бросила из-за мальчишки.

Многих женщин освободил бытовой коллектив от домашних забот.

Ткачиха 3-й ткацкой—Филиппова—говорит:

— Хоть на одно мужично жалованье тяжело было. Работать же и стирать очень устаешь.

Двое детей на руках, — тоже забота не маленькая... Теперь мне совсем легко работать.

Филиппова вступила в бытовой коллектив со дня его основания.

И Филиппова, и Кузнецова, и десятки других женщин, вступивших в коллектив, сами устроили свою жизнь по-новому. Детпримитив, построенный на месте сушилки, прачечная, организованная в одном из заброшенных подсобных помещений, — образец умелого использования внутренних возможностей. А ведь все это лишь небольшая часть того, что при инициативе самих жильцов и поддержке общественных организаций может быть широко использовано и в 184-й казарме и в 50 других казармах.

Ведущий труд

Орехово-Зуево — крупнейший промышленный центр, город текстиля. Отличительная черта фабрик Орехова — мощная концентрация и централизация: все стадии обработки хлопка до готовой продукции объединены в одном комбинате. Уже в 1932 году по общей численности рабочих, по мощности оборудования и производительности оно являлся самым крупным текстильным комбинатом области и Союза.

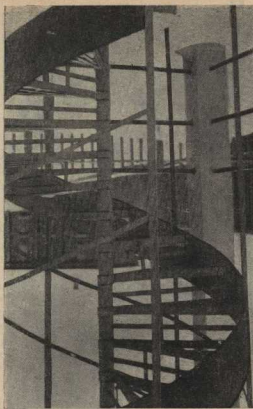
Вместе с семьями рабочие составляют основную массу населения — более 70%, и, что особенно важно, отметили, женский труд занимает в промышленности Орехова преобладающее место, является ведущим трудом. Однако этот чрезвычайно важный момент не нашел до сих пор должного отражения в работе хозяйственных и общественных организаций города. Налицо серьезный разрыв между ростом промышленности и ростом культурно-бытовых предприятий, призванных обслуживать женщин-работниц.

За годы революции Орехово получало целый ряд социально-бытовых предприятий и культурных учреждений.

За последние семь лет по Орехово-Зуево выстроено и заселено рабочих 62 дома с общей площадью в 48,500 кв. м. Это увеличило жилищный фонд на 25%. Построены фабрика-кух-

...Помещение столовой содержится в чистоте

Для малышей «лавацки» промоторы соорудили несущую лестницу

ня, центральный клуб, клуб на Подгорной, хлебозавод, банно-прачечный комбинат, единый диспансер, почта и телеграф, детская больница школ-семилетка и т. д. Расширена сеть слесей, (только за истекший год число детей, обслуживаемых яслями, выросло по городу с 375 до 840), детских садов (с 300 до 810 детей), детских притивитов (с 810 до 1.638 детей).

В 1932 году на городское строительство как по городу, так и по району намечено израсходовать около 26 миллионов рублей.

Дальнейшее строительство новых жилищных и социально-бытовых учреждений — первоочередная задача. Но было бы совершенно неправильным ожидать их сложа руки, ничего не делая для того, чтобы максимально использовать имеющиеся в данных условиях внутренние ресурсы.

Хозяйственные и общественные организации Орехова здесь мало чем могут похвастаться, внутренние возможности чрезвычайно слабо используются. Здесь еще господствуют «объективные» причины и «8 марта».

«Объективные» причины и «8 марта»

Текущий год является годом большого роста промышленности Орехово-Зуева. С полным пуском всех агрегатов новой электростанции текстильные фабрики, так же как и заводы тяжелой индустрии, получают возможность крупного расширения. Достаточно сказать, что по продукции завод Карболит вырастает в 1932 году почти на 90%, металлообрабатывающий завод «Красный ореховец» по численности рабочих расширяется на 100%.

Около 10.000 рабочих должны прийти в этом году в промышленность Орехова, из них только по текстильной промышленности надо будет принять свыше 5.000 женщин-работниц.

В различных школах ФЭУ, техникуме, а в курсах для текстильного комбината будет трудоустроено 4 тысячи рабочих, 4 тысячи из потребных 7 тысяч. Несмотря на большое жилищное строительство, в этом году Орехово все же не будет иметь достаточной площади для расселения рабочих живущих за городом. Из этого следует, что резервы рабочей силы должны быть

найдены внутри. Женя рабочих, чины семьи, живущие в городе, — именно за их счет в первую очередь должна подняться текстильная промышленность.

В феврале этого года впервые за все время отъезда труда горювета потребовался учетный столов фабрику сведения о кадрах, которые могут быть использованы в производстве. Сведения начали поступать и цифры обнаружился: в казармах ткацкой фабрики № 1 женщины, не занятых работой, в производстве оказалось 103, из них ранее работало 80 женщин. Все они — квалифицированные работницы, 52 — работницы ткацкими.

В казармах ткацкой фабрики № 2 женщины, не занятых работой в производстве, оказалось 106, из них работало ранее 79. Все они также квалифицированные работницы, 48 — работницы ткацкими.

В этом году на ткацкую № 1 потребуются 483 женщины-работницы, на ткацкую № 2—860. До 20% по крайней мере может быть покрыто за счет привлечения в производство жен и членов семей рабочих.

Безработица ли это? Нет. Это показатель явно оппортунистического отношения хозяйственных и общественных организаций комбината производства к нуждам женщин-работниц. Фабрики имеют возможность непрерывно вбирать эту рабочую силу, а между тем, кадров нехватает.

Три тысячи детей ясельного возраста на руках у матерей, и более четырех тысяч их держатся за подол матери.

Вот тот груз, притягивающий женщину-работницу к дому, вот те причины, отрывающие ее от производства.

«Неуважительные» — так назвали прогулы матерей в отчетных месячных сводках фабрик. Так из месяца в месяц, на год в год. Очевидно, что причины эти узаконены администраторами как причины «объективных».

Какова цена этих «объективных» «неуважительных» причин?

Ежедневно в июне прошлого года не вышло на работу до 400 работниц. Ежедневно в августе — до 500.

Ежедневно в ноябре — свыше 300.

«Неуважительные» прогулы в среднем составляют 20—25% всех невыходов.

«Стихийные» примитивы

Ежедневно десятки матерей-работниц буквально осаждают отделы в подотделе горювета, горпродсовета, фабричные комитеты с настоятельными просьбами как-нибудь пристроить ребят.

В рабочих казармах самотеком создаются «самодельные» ясли на сушилках, на чердаках, без всякого медицинского руководства. Детей оставляют на время работы под присмотром бабки-нивалидки или подраста.

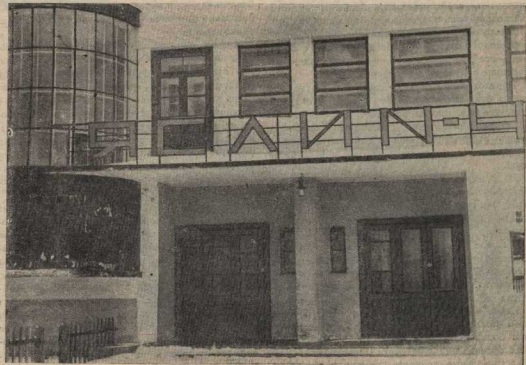
Тяжесть положения матерей-работниц усугубляется еще тем, что сейчас необычайно трудно нанять ясли для обслуживания ребенка. Если в 1930 году в Орехове работало примерно три тысячи нянь (из них три четверти обслуживали рабочие семьи), то уже в августе 1931 года, вследствие ухода нянь в производство, эта цифра уменьшилась до четырехсот, а сейчас нянь, обслуживающих рабочие семьи, только 25.

Корабль полпыл по волнам бесхозяйственности

В 1930 году в городе были выстроены ясли. На них автратили огромные средства, и тем не менее до самого последнего времени в этих яслях почти одна треть помещений оказалась омерзительной. Дело в том, что архитектор в году какой-то организации, оставшейся неизвестной, «вдохнул» в это сооружение идею: дети плавает навстречу социализму. Ясли построены в виде корабля.

Художественное убожество! Хорошая идея приобрела весьма печальный практический смысл. В яслях есть например громадная затененная веранда, но веранда имеет... одну форточку. Все помещение яслей разбито на мелкие, изолированные комнаты. Громадные; нежилые, совершенно бесполезные коридоры занимают куда большую площадь, чем жилые помещения.

«Кораблестроитель» сделал оригинальную (по крайней мере по своей несуразице) винтовую (!) лестницу, соединяющую первый и второй этажи и... «создавая» устроить прачечную. Белье пришлось стирать в той же ванной, где купают и умывают детей.

На месте морозовской пухи сооружено здание поля

«Корабль» «проплыл» мимо внимания общественности и хозяйственников города.

Сейчас в этих яслях помещается 150 детей. При некоторых переделках (которые теперь конечно потребуют значительно больших сумм) ясли могут быть расширены более чем до двухсот мест (в «левачком» проекте «кораблестроителей» ясли были рассчитаны на... 80 мест).

Главный агрегат фабрики-кухни

Общественное питание — один из социалистических путей хозяйственного распределения женщины-работницы. Фабрика-кухня, имеющаяся в Орехове, — несомненно мощный рычаг социалистической перестройки быта. Но сейчас вследствие целого ряда причин, среди которых крупное место занимают бесхозяйственность, безответственность, мощный рычаг стал едва ли не тормозом.

Фабрика-кухня выстроена в мае 1930 года. Первые месяцы своего существования она привлекала огромное количество рабочих семей. В июле 1930 года столовая пропускала 7.000 человек, но уже в сентябре эта цифра увеличилась до 10.000. В социалистическую столовую приходили все семьи.

В середине 1931 года фабрика-кухня ежедневно изготавливала 22 тысячи обедов. Сейчас эта цифра упала до 14½ тысяч.

«Недоброкачественная пища», — откровением раскрывают секрет хозяйственников столовой.

Недоброкачественность пищи — явное следствие недоброкачественного отношения к механизированному гиганту. Достаточно указать на состояние хозяйства фабрики. Паровое хозяйство фабрики-кухни неисправно, котлы текут, не имеют прокладок, нет многих частей.

Складские помещения фабрики чрезвычайно малы и саженой весной заливаются подпочвенными водами. Но это также не создает большого беспокойства среди администраторов.

Сотни всех этих неполадок, устранение которых своевременно не ставило бы большого труда, сейчас превратились в крупнейшие недостатки и в значительной степени провалили социалистический фронт общественного питания.

Банно-прачечные мытарства

Стирка. Сколько труда, сколько нервов надо испортить, чтобы постирать белье. В Орехове несколько бань-прачечных, но ни одной из них похвалиться нечем. Очереди у кранов с горячей водой, отсутствие котлов, раз для стирки, — все это причины 5—6-часовой задержки женщины в душной атмосфере бани.

В некоторых банях по два-три дня не чистые бани, в бассейны вода часто идет ржавая, красная, портит белье. Особые раздражения работников вызывает полное отсутствие большой банно-прачечный комбинат. До сих пор он не сдан в эксплуатацию.

Из сотни всех этих обстоятельств складываются «неуважительные» прогуды сотен женщин, прогуды, которые во многих случаях являются первоочередной уходом квалифицированных работников с производства.

Бытовое положение женщин в условиях Орехова чрезвычайно слабо способствует внедрению и закреплению женского труда в производство, слабо содействует эффективности труда и инвигации женщины-работницы.

Какое «объективное» причины могут оправдать повсеместную бездеятельность фабричных и в большой степени городских и общественных организаций Орехова? Таких причин нет. Действительные причины кроются в неумении правящие шпакле массы, использовать их творческую активность на борьбу за улучше-

..В образцовых яслях — тепло, приветливо и уютно

ние культурно-бытовых условий работников, в неумении изыскать внутренние материальные ресурсы.

Правильность этого положения лишь раз подтверждает тот факт, что прекраснейший раз рабочих 184-й казармы, организовавшиеся в бытовой коллектив, их опыт, который целиком себя оправдал, даже не удалось использовать, не попытались перенести в другие казармы.

Долгожданный поход в казармы начался

Это не комсомольский поход. Летний штурм быkulturья, начатый комсомолом, был им бесславно провален. «Штурм» застрял в столах райкомкомков.

Музыка смолкла, шум затих, и комсомольская организация Орехова быстрыми «теплыми» откатилась с фронта культуры и быта. Единственный след «штурма» — гвозди. Обязательные в свое время «гвозди» штурма, они и посейчас центр (!) всей деятельности комсомола на участках городского хозяйства! Поинтерн гвозди нужны и для овоощехранилищ и для строительства синяринок. Но когда райком комсомола в течение полугода «фигурирует» одними только этими гвоздями, становится ясным, в чем здесь «гвоздь».

Инициатива комсомола не проявлена ни на одном из важнейших участках городского хозяйства, культурно-бытового обслуживания рабочих. Теплофикация рабочих казарм, создание заводов местных стройматериалов и коммунального оборудования, бань-прачечных, фабрично-кухонь, яслей, детприемных, культурно-служебные казармы, клубы — все эти участки вычеркнуты из планов работы комсомольской организации. Широкой из упомянутых выше гвоздей райком комсомола решительно отгородился от важнейших решений партии, от решений ЦК комсомола.

Решения городского комитета партии о проведении культбытохода в казармы (февраль

этого года) отразились в деятельности райкома КСМ... выделенные... секретаря комитета в штаб похода. Он — единственный комсомолец, «включившийся» в поход.

Таков итог на февраль. Таков актив комсомольской организации Орехова-Зуева.

Совершенно неудовлетворительный, оппортунистический итог.

Комсомо Орехова обязан немедленно в самые кратчайшие сроки всей организацией двинуться на участки культуры и быта. Он обязан снять позорное пятно оппортунизма, допущенного руководством РК КСМ.

Нынешний поход ведет районная партийная организация. Культбытоход начал неважно, но результаты уже налицо. За это время я большинство фабрик созданы свои кухни. Это дает возможность значительно улучшить обеды.

За последние время в казармах организовано более 20 детприемных.

В поход включалась допколыная кооперация, которая в ближайшее время оборудует четверо яслей.

Старт дав. Начало хорошее.

Перед общественными организациями Орехова-Зуева, и прежде всего перед комсомолом, стоит важнейшая задача — превратить поход в казармы в систему работы, вливающую в жизнь единый культбытоход, являющийся развернутой программой реконструкции быта.

Женский труд — ведущий труд в текстильном производстве Орехова. Директива партии о максимальном вовлечении в производство женщины-работниц, о создании условий (круглосуточные ясли, кругосуточное общественное питание, создание прачечных и т. д.), обеспечивающих им ударный труд, должна быть выполнена.

Графа «неуважительных» прогудов матерей-работниц должна быть навсегда вычеркнута из фабричных сводок.

Последние дни „Порт-Артура“

В. ВЛАДСКИЙ

У нас на глазах
                        городище
                        родится
На воли Урала,
                        труда
                        и энергии.
В. МАЯКОВСКИЙ

Спасе небо пшенич висит над землей. Оно задевает крылом пустыри, чальные овраги, приземистые домишки и колодезь с древним, поскрипывающим журавлем.

Домишки стоят печально и сиротливо. Грыз. Нескончаемые плетни. Лай собак.

А все это вместе называлось окраиной.

На демидовском Урале (только ли на Урале) города делились на две части. Центр и окраина. Центр—мошное улицы, театр, школы, библиотеки, врачи, большие дома. Окраина—непроразье, низенькие халупы, узкие косые переулки и тупики.

В центре—белая кость. На окраине—фабричные, мастеровые, «золотая рота», «голотыба».

И обслуживание было разное. Центр слушал, развалился в кресле, авезкую театральную звезду. Окраина—звук жангарских следков, выстрелы да иногда пьяную, тоскливую песню:

Постройка новых жилищ для рабочих на Урале

— Солнце всходит и захо-одит...

Так вот и жили.

Жили. А теперь не живут.

После «челюсти» в энциклопедии Брокгауза и Евфрона стояло пахнущее дымом колючего костра татарское слово «Челябинск».

Если верить энциклопедии, в 1902 году в Челябинске было 25 тысяч жителей и десяток молитвенных заведений. Город жил «сбытом хлеба».

За пятнадцать зим мало что изменилось в Челябинске. Город строился медленно и мелко. Самой крупной была стройка добротной каменной тюрьмы. А так все оставалось по-старому. Невысокие дома. Маленькие—плужный и кожевничий—заводики. Глухие окраины—«Порт-Артур», Жабровка, Сибирская слобода, Колунавска.

Жизнь вошла в город вместе с Октябрем.

За последние годы в Челябинске началось недавнее строительство. За городом, а степи, сейчас встает Тракторострой, завод, рассчитан-

ный на сорок тысяч стальных гусениц—катерпилеров. Уже работает мощная электростанция. Находо завод ферросплавов. Строится огромный электрометаллургический комбинат.

Эта стройка меняет лицо города.

На окраине, где еще недавно стояли халупы, сейчас поднимаются светлые корпуса новых домов. ЧПЭС выстроил специальный рабочий поселок.

В городке клуб, библиотека. Рядом строятся дома электрометаллургического комбината. Там будут также хорошие, светлые жилища и культурно-бытовые учреждения.

По дороге в «Порт-Артур», на вокзал все чаще встречаются новые дома. Кажется, из «центра» на «окраину» переселяется новь—клубы, амбулатория...

По городу бежит трамвай. Недавно проведена канализация. В городе 200 тысяч жителей. А в 1917 г. было 40 тысяч.

И слово «Екатеринбург» значительно в энциклопедии. О нем было сказано тоже несколько слов. Столько-то тыс. жителей. Столько-то молитвенных заведений. Столько-то достопримечательностей.

И не могло быть в энциклопедии многих слов, что сейчас неотделены от Свердловска, бывшего Екатеринбургa.

Не было например слова «Уральшиностроение». Оно получило хождение после революции. Не было «Электротрального комбината».

А эти слова присягали с собой а город многое.

Как и Челябинск, Екатеринбург был окружен невысокими окраинами, лавзем. Сейчас это старье идет на слом. Недалеко от вокзала ставит новый поселок «Пионер»—прекрасные большие дома. Под городом, в лесу, где раньше устраивали пшенички подгузьящие голостусии, строится городок Уральшиностроения. Там уже сейчас десятки тысяч жителей.

Здесь, в Свердловске, окраины тоже доживают последние дни. Город перестраивается. Новые дома. Трамвай. Новый театр. Клубы. Заводы. Идет переделка быта.

А слова «Магнитогорск» не было в энциклопедии. Этот город рожден в последние годы.

В социалистическом городе Магнитогорске не будет окраин в старом смысле этого слова. Каждый квартал состоит из огромных, светлых домов. В каждом квартале—клуб, театр, библиотека, амбулатория, ясли, столовая. Зелень

Постройка рабочего городка на Урале

покроет улицы. Сады протянутся от домов до прфобудки завода.

На строительстве этого города отпущено 200 миллионов рублей. Он рассчитан на 120 тысяч жителей.

Два десятка домов уже выстроено.

Комсомол Урала показал образцы трудового героизма на социалистической стройке. Комсомольские ударные бригады например в Магнитогорске являются ведущими для остальных. Уральшиностроение комсомольцы хорошо овладевают техникой строительства, осваивают новые станки, механизмы. Это же можно сказать о Челябинске.

Однако до последнего времени бытовому участку—строительству жилищ новых городов—достаточно внимания не уделялось. Характерно, что до осени Магнитогорским райком ВЛКСМ даже не ставил на комсомольских собраниях вопроса о типе домов согородка. На Уральшиностроение работа в новых домах не налажена. Челябинский комсомол только в последние месяцы взялся за реконструкцию городского хозяйства.

В текущем году надо наверстать упущенное. Особенно большие задачи стоят перед комсомолом Магнитостройа, так как план стройки социалистического города в 1931 году не выполнен.

Гусеничный трактор „Сталинец“, выпущенный Челябинским опытным заводом, выходит на испытание

1. С широким видом студгородка

4. Массивные железобетонные балконы поддерживаются деревянными подпорами

5. Крыши домов превращены в бассейны

„БОЧКА МЕДА, ЛОЖКА ДЕГТЮ“

Там, где еще недавно были пустыри, высятся мощные здания — шестнадцати-, широкие, просторные дома, поражающие обилием стекла. Сразу чувствуешь, что «воздух и свет» были лозунгом творческой мысли строителей. С нами идет старик профессор и рассказывает, в каких грудах жила прежде пролетарская студентка. Его рассказ еще ярче подчеркивает наши достижения на фронте социалистической стройки. Осуществляя ударную задачу подготовки кадров, советская власть выделяла средства и материалы... и вот перед нами целый город (снимок № 1).

«Лефортовский городок» — грандиозен. Потрачены колоссальные средства. Были даны все возможности, чтобы подрастающие кадры действительно имели здоровое, удобное во всех отношениях, прекрасное жилище.

Однако при осуществлении проекта был допущен ряд ошибок, граничащих с вредительством.

Эти ошибки видны сразу, когда мы подходим к бассейну. У одного из корпусов вместо балконов пятого этажа торчат железные прутья (остатки каркаса), зияет крыша, обвалилась штукатурка (снимок № 2). Оказывается, дом не просуществовал и года, как балконы пятого этажа провалились, так как расчет нагрузки был сделан неправильно и к тому же для строительства были взяты несоответствующие материалы. Проверили другие балконы. Оказалось, что и они еле-еле держатся. Пришлось подвести прочные балки между этажами, чтобы предохранить балконы от обвала (снимок № 3) и запретить пользоваться балконами. Балкон-галерея, который по замыслу строителей предназначался как место прогулки, ввиду закрытия, и только редкий свежий воздух вылетает туда через окно, чтобы поохладить для прогулки свое белье (снимок № 4).

Входим во-внутрь. Громадные коридоры, широкие лестницы, большие окна, простор, мощные, широкие рамы. И вновь две-три елочницы, которые сознательно или бессознательно, но во всяком случае вредительски в значительной мере сокращают эффективность достижений.

По замыслу строителей крыша должна была представлять собой сад. По бокам — панеля для прогулки, а в середине во всю длину здания — грандиозный цветник под открытым небом. Однако не рассчитали, что здание строится в Москве, а не на юге Италии; забыли, что у нас бывает сильная зима и лютый ледяной дождливый сезон. В результате вместо цветника — огромный бассейн воды (снимок № 5). Прослойка под бассейнами слет, вода протекает, и все дома Лефортовского городка весной и

осенью находится под угрозой затопления. Несколько веинка сырость в отдельных комнатах, видно на снимках № 6 и 7. Это — стены в студентских комнатах. От воды, протекающей с крыши (из бассейнов), штукатурка отвалилась и по обвалившемуся кирпичу пошел зеленый грибок.

Когда утверждался проект, исходили из предположения, что окна будут раздвигаться, как дверцы витрин, на особых шпалерах, но шпалеры не были применены. Принцип постройки окон остался неизменным. В результате рамы двигаются по деревянным рейкам. Шелли — в палец-полтора ширины. Из окон дует, шелли забиваются и дождем и снегом, здания пожаряют массу топлива, но благодаря такому устройству окон фактически «отопляется уличной».

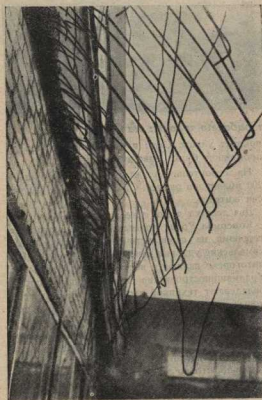
По этим не исчерпывается головокружение строителей. Огромные лестницы, просторные коридоры — их надо вентилировать. Но о вентилиции не подумали. Позднее, на ходу решаясь вырезать в рамах форточки откидного типа. Вырезали, но не соорудили, что перила лестниц не позволяют откидывать форточку (снимок № 8).

Таких «мелочей» — не перечесть: штукатурка внутри зданий полонилась, так как переборки, сделанные из сырого леса, «ведут», дверные косяки «сдают», двери во многих местах плохо закрываются. Канализационная система не отапливается и не закончена, не везде произведена побелка стен и т. д.

Построили целый город, но благоустройство вокруг него проходит очень медленно.

Очень плохо обстоит дело с культурно-бытовым обслуживанием студентства. Первоначально предполагалось, что в середине городка будет особое здание для культурно-бытового обслуживания: столовая, библиотечка, детские ясли и т. д. Для этого здания вырыли котлованы, заложили фундамент, возвели каркас; словом ухлопали несколько сот тысяч рублей, а потом «вдруг» отменили постройку, все сделанное бросили на произвол судьбы. Теперь среди студентских домов живым укором стоят возведенные каркасы, а студентские же школы использовал эти головотворство, — протинули на каркасах веревки и сунут белье (снимок № 9). И так: вместо зданий, где были бы клуб-читальня, библиотечка, столовая, амбулатория, швеймастерская, прачечная, пошивочная мастерская и т. д., — ржавеющий, согнутый каркас и на нем веревки с сохнувшими студентскими тряпками.

А как же удовлетворяются культурные нужды студентства? Нисколько! Белье студенты отсылают стирать из Лефортова в городскую пра-

2. Обрушился балкон на втором году своего существования

3. Балконы в новом доме, подберижаемые деревянными подпорами

течную. Итак круглогодично белью от двух до трех месяцев, а иногда оно и совсем не попадает к студентству ввиду утери. А так как у студентов имеется крайне ограниченное число смен белья, то они вынуждены ходить грязными. Белья нет. Души устроены в уборных, но без теплой воды. Там — грязь и вонь (от уборных). Каждая мелочь культурного быта (бритва, стрижка, починка платя, белья, сапог) отнимает у студента бездну времени и массу средств.

Было много собраний, горячих споров, длинных резолюций: нужны-де прачечная, детские ясли, площадки, столовая и т. д. Много, очень много резолюций, но пока что — ваганы детских, бегающих по коридорам, плач малышей, скатывающихся с лестниц кубарем, примуса, корнута, чада, вонь, сплетни, споры...

Все это вне студенческого городка, разбросано, не упорядочено. С одной стороны — темпы социалистической стройки, уплотненный учебный год, повышенные программы курса, а с другой — студент должен тратить несколько часов времени, чтобы достать иголку, кусок нитки, пуговицу или сходить в баню, помыть.

Корпус семейных студентов. В коридорах шум, крик, детский плач. Чада и копыт... Окажется — нет детских яслей, а детский сад обслуживает незначительное количество детей. Детские часы восторг проводит время в коридорах общаги или беспрерывно бегает по двору. Вдоль коридора — ряд светлых («3—4 окна») углублений; там стоят довольно грязные столы, а на них шеренга примусов и керосинок. Около них несколько студенческих жен развивают в себе добродетели домашних хозяек. Грязь, копыт, чада, сплетни и споры... Мужья учатся в вузах и втузах; через то — два они станут красными командирами великой социалистической стройки, а их жены «тоже учатся» около примусов и корнута. Никакой культурной работы среди студенческих жен не ведется, ни систематических курсов, ни эпизодических лекций, нет даже комнаты, куда могла бы пойти почитать и отдохнуть уставшая от детей и примусов студенческая жена. Вдоль корнута, стирка, постиршуха и разрешение великой «проблемы» — где бы просушить белье. Оно висит всюду — на дворе, на балконах, в коридорах, на лестницах и чаще всего в самой комнате на веревках, протянутых по диагоналям комнаты.

Нельзя было оставить городок без запороженного здания, призванного обслуживать культурные нужды студенчества (столовая, читальня, амбулатория и проч.). Нельзя было допустить те просчеты, в результате которых вся система балконов выведена из строя. Нельзя было допустить те «приспособления» к возможностям, в результате которых охотные

6. Стена комнаты в одном из домов на втором году его существования

рамы имеют громадные щели и охлаждают здание, фортики враждуют с перилами, крыши превратились в бассейны воды и т. д. Все эти дефекты и можно и должно было учесть в процессе строительства.

Однако это не учтено, потому что на стройке Лефортовского городка халявость, головотвистие, безответственность и безликая завлачива между собою дружественный союз бессовестельного, а может быть и сознательного вредительства.

ВСНХ, строители студгородка, не уделяли достаточного внимания этому объекту. К голосу студенческих организаций ВСНХ в лице некоторых своих работников (например тов. Григорьев) не прислушивались; студенческих представителей «выгоняли из кабинетов»; УСО не интересовался социально-бытовым обслуживанием студентов; ОНО формально исполнил свои обязанности по расселению студентов, но не ставил себе задачи — создать необходимые условия.

Формы самоуправления студгородка не разработаны. Здесь — царство самогек. Студорганизации проявили инициативу, но ВСНХ эту инициативу не подхватил, ее не возглавил и надлежащим образом самоуправление не организовал. Только лишь под напором вузовской и технической секций Моссовета приступили к проработке этого вопроса.

Институты, которые являлись теперь хозяевами соответствующих частей здания, ничем организационно своих «хозяйских» обязанностей не проявили. Существуют такие институты, административно-хозяйственный аппарат, партийные и профсоюзные организации которых не прислазили своих представителей побывать в общагитин с тем, чтобы потом заслушать и обсудить их доклады.

Сталинский райсовет также проявил недостаточно настойчивости в деле упорядочения строительства городка.

Бригада Моссовета: ЛОПЫРЕВА, КОНСТАНТИНОВ, МАЛОВ

7. Стена в одной из комнат

8. Форточка для протирания громадного окна сделана так, что при всем желании протереть окно невозможно

В очерке «Бочка меда, ложка дегтя» мы показываем на примере Лефортовского студенческого городка, как не надо вести новое жилищно-коммунальное строительство. Мы предлагаем:

— привлечь к ответственности работников из Наркомзжпрора, руководивших постройкой городка и допустивших крупнейшие наляны в стройке (качество построек и т. д.); дальнейшее строительство студгородков вести под контролем широкой рабочей и студенческой общественности, привлечь ее к практическому участию в строительстве и к обжурждению всех проектов;

— построить на территории студгородка в 1932/33 г. фабрику-кухню с пропускной способностью 15 тысяч чел., которая бы обслуживала студентов всех учебных заведений, расположенных на территории городка, а также и рабочих предприятий;

— построить клуб со всеми видами культурно-бытового обслуживания студентов;

— организовать прачечную, пошивочную и сажеложно-мастерские и ЭРК;

— провести радиофикация городка;

— организовать жилищное обслуживание студентов;

— развернуть широко культурно-массовую и политико-воспитательную работу с жильцами студгородка.

МОСПС и МГСПС должны обратить особое внимание на руководство и конкретную помощь по организации самоуправления студенческих городков.

9. Возведенные и брошенные каркасы используются для сушки белья

Наука уходящей эпохи

Дм. Лебедев
Рис. Соифертиса

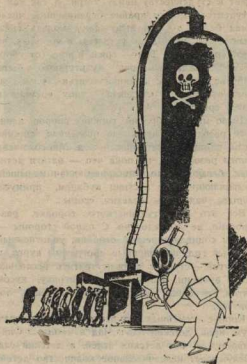
... Лунный луч расплылся и замер. В рыжий кисель воды упало гнилое небо и осело в нем рубищем неуживших теней Водах застыла, и с карнизов замка тупо смотрят в пьяное зеркало волн каменные лики атлантов: может быть и они мечтают о том же, о чем вот эта девушка. Белая, белая, она смотрит в воду. Вода черная и пугает. Уйдите отсюда, маленькая. Ночь еще велика, и может быть вы успеете передумать. Я уйду под карниз замка, — мне оттуда виднеся синий берег Уиттер ден Липден, и стреляя лента такса и пугающие стрелки автобусов, — и я буду видеть все. Вот мимо идет мальчик. Он смотрит на жесткую веревку спасательного круга. Его пугает холод перекоса вглубь с рыжей тинной Шаре, и веревка кажется ему нежнее и тише. Именно так, спасательным кругом души Розу Люксембург. Тогда этот круг спас германскую буржуазию. Но найдется ли такой круг, который спасет от смерти всю германскую республику?

На рваной теще шлово повне коричневый, рваный берег. Вчера здесь утонула учительница соседней церковной школы, которую уволили за безбожие. Это одно из 20.000 ежегодных самоубийств в Германии. Статистика отмечает необычайный рост самоубийств среди интеллигенции. Каждый год средние школы выбрасывают на рынок 45 тысяч безработных интеллигентов, выше — 20 тыс. В одной Германии сейчас 60 тыс. безработных учителей. Сообразите, какая армия безработных вырастет в ближайшие годы. В Будеште престарелые актеры и учителя рожались на последнее средство: они бродят по улицам, кафе, ресторанам и собирают мизантропию. В Германии это пока не разрешено. В Германии голодающий интеллигентный пролетарий имеет только один выход — самоубийство. 20.000 в год 50 — в день. Когда вы прочтете этот рассказ, еще одного человека не будет в живых: это просто, как статистика.

Капитализм довел до пределов темп жизненного копейера. В Америке технологическая старость наступает уже в 40 лет, в Германии — раньше. Люди стареют. Люди изнашиваются. Капитализм пришел в мир, чтобы осваивать его от власти природы. Но чего он добился? Только то, что годовой паек жизни сократился вдвое. На Поддамер-пладе горючее самоуправление Берлина вынесло эффектную карту будущего Берлина, который весь превращен в город механизмов. Но это вздор и фантазия. Капитализму не под силу такая работа. Конец капитализма овеял смертью. Единственный знакомый ему прогресс — прогресс умирания. К стати, как сочетать с интересами человеческого общества электрический ступ, двадцатидюймовые орудия и автоматику «Саратога»? В Англии профессора выдвинули проект сокращения безработицы: отрезать часть безработных. Профессора химии в Лондоне так и делают: они приглашают безработных для опытов с удушьямиными газами. Наука создавала жизнь. Сейчас она стала сужавкой смерти.

Вспоминается страшный фаэрический ураган 1927 года. Целые селения стали добычей штора, сотни людей металась, как в дни Поинел, в поисках спасения. 50 тысяч человек остались без крова под сумасшедшим, дьявольски всеми страхи немом, десяти миллионами долларов — стоимость целой страны — были выброшены в метель, в океан, в стихию урагана. Вот когда техника могла бы делать великие дела! Аэропланы, автомобили, телефоны, радио — все могло бы быть мобилизовано на спасение погибающих. Но — странная вещь! — радиостанция отказалась принимать сигналы о помощи, железные дороги прекратили подвоз продуктов, правительство отклонило обсуждение вопроса о помощи пострадавшим. Все об'яснено просто: бедствие неудачно совпало с матчем на завине чемпиона мира между Джексом Демпсием и Джимом Тьюнсом. На зрелище собрался 142 тысячи человек. Телеграф, телефон, радио, газеты, — все молчало о бедствии во Флориде: все занято сенсационный подвигом. И вот гигантская техника не смогла справиться с ураганом. Стоит ли после этого удивляться, что на вопрос о том, кто был величайшим музыкальным деятелем истории, студенты знаменитого университета в Висконсине назвали имя известного джазбандиста.

Капитализм сделал науку придатком эксплуататорской машины. Гигантские сооружения — Павамский канал, канал в Никарагуа, плотина на Ниле — только могучие средства порабощения. Никакая цивилизация не могла бы выдувать более дьявольского павана, чем нильская плотина. Англия строит плотину в Джебел-Ауали. Могучий поток, от которого зависит жизнь и смерть Египта и Судана, будет контролироваться несколькими английскими чиновниками в английской колонии. Если горячие головы в Египте или Судане вздумают бунтовать, их не нужно будет даже урезонивать пулеметами. Поворот рычага, — и две страны обречены на страшную смерть от жажды. Матери будут грызть зубами палачие пески, дети будут жалобно раскрывать свои выхоленные рта, животные будут от бешенства бросаться на людей. А над всей этой долиной горя будут носиться вестники смерти — бомбовозы, которые

Наука стала служанкой смерти

предлагают на выбор: смерть или рабство. Последнее — все-таки менее безжалостно.

Один каллифорнийский писатель написал поэму «Крайнеца», что значит «Страна сумасшедших». В этой стране все наоборот, и «люди умирают от голода, так как они произвели слишком много». Это — простой слепок капиталистического строя. В стране загнивающего империализма «все наоборот», и вот американский конгресс одной рукой увеличивает ассигнования на тюрьмы, а другой сокращает 2.000 учителей, правительство Брюинга выбрасывает 40.000 педагогов, закрывает сотни школ и ядом — шаркает золотые подачки церкви. Наука, подлинная наука, перестала служить капиталу. Боженька — вернее, Он вывесит, если только кто-нибудь может вылезти.

Из отчета гамбургского сената:

Евангелическим церквам	— 106.000 марок
Реформистским церквам	— 2.000 »
Католическим церквам	— 5.000 »
Морским церквам	— 4.000 »
Церковным школам	— 400.000 »
Церковному хору	— 27.000 »

ИТОГО: 544.000 марок

Всем сестрам по серьгам. Можно смело сказать, что если бы в Гамбурге полтораста тысяч безработных не были сняты с пособия, евангелической церкви пришлось бы туго. Но беда ее миновала, к несчастью.

В Шанхае индусы-китайцы живут в джонках. Под Берлином на пути к Потсдаму есть рабочие дачи величине с мусорный ящик. Вокруг дачи — крошечный огородик, райские поля блаженных. Территория такой яшки — 1—2 квадратных сажени, немного больше нормальной яшкилопиди на кладбище. Люди привязки, и могла терять свой ореол страха. Но джонки есть и в Берлине. В грязной воде на Штенсее ползущие две разбитые рыбачные лодки, ставшие приютом для семьи безработного пеннителя морей, бывшего капитана дальнего плавания. Семья — отец, мать и двое детей. Капитан почернел, осунулся. Человек, перед которым когда-то торжественно раскрывались двери потаенных старом, сейчас боится воды, и у него вид старого опустившегося пирата.

Величайший музыкальный деятель истории

— Вы боитесь меня, сударь? Напротив. Я — не вор, я — индий. И я... ничего не ед. Дайте мне десять фенингов на булку.

Рифы Атлантики известны ему лучше, чем родники его сапогов. Тенины английского канала, лагуны Австралии — его мир. Но против штормов кризиса оказался бессильной вся навигационная наука.

Берлин богат музеями, прекрасными культурными сокровищами. Музеи бесплатные. Я пересчитал все встретившихся мне зрителей в гитанских залах Кайзер-Фридрих Музеума. За два часа я насчитал их восемь. Это в двадцати больших залах. В интереснейшем «Бальдинс-Заммунге» я был один. Гамбургский музей живописи и ремесла я обошел один в сопровождении целого завода смотрителей, искренне недоумевающих, какой ветер занес сюда непрошеного гостя. Когда я вышел оттуда, на лезвием электрическом плато Штейтердамма гуледа музыка, и в барах кружились расфранченные, попузные пары. Прекрасный концерт Бруно Зигера в новом Радиодоме врял их собрав и половину приглашенных. Я ходил по пустым рядам и заглядывал в равнодушные лица интеллигент, лоринговущие толпы плечи соседок. Концерт прошел сухо. На концерте Фуртвенгера — одного из выдающихся дирижеров мира — целые ряды зияли плешинами.

После одиннадцати в «Фемине» вы будете стоять: все столики, все залы заполнены живыми висящими в вротической танцевальной лихорадке перами.

Кстати да видных ученых в фашистском «Фальшберг Обхадтер» с большой последовательностью обсуждают вопрос о том, имеют ли евреи право на существование. Дискуссия еще не закончена.

За последние дни в Берлине закрылось двенадцать театров: их место заняли динсинги и мюзик-холлы. На обложке «Фольксбеиен» какой-то чванливый чиновник от искусства утверждает, что массы потеряли вкус к искусству и требуют «бородатых не в груди», «Виктори с ее гусаром» или «Джентльмены предпочитают блондинок». Но массы ничего вообще не предпочитают, так как у них нет средств пользоваться каким-либо эрцизмом, а буржуазия действительно «предпочитает блондинок». Оперные артисты сейчас прирабатывают на встрадах, а оперные певцы чаще всего занимаются гаданием — самое модное ремесло юнговской Германии.

Буржуазная наука, потрескавшая кризисом, в бессония опускает руки и устанавливает единый фронт с гадальками. Наука и техника становятся придатками интуиции. В Берлине Фреду Сильвию за десять варков предлагается будущее, окруженное радужой. Германия кишит учеными, которые не прочь попытаться себя на сомнительном поприще исторических прогнозов. Виднейший ученый Вельтер разработал целую систему вранья, которая носит призрачное название «экономической психотерии». Это экономическая вариация на тему библиейской истины «поверля — ты спасен». Система Вельтера — это логически разработанная и доведенная до высшей стадии принципиальной бейбандеры теория другого германского экономиста Аргентарисуа, испустившего в припаде отчаяния открытие, которое могло бы сделать честь весь средневековой теологии:

— Новый промышленный подъем станет возможным немедленно после того, как в него поверят.

Господин коммерции советник Дуисбург, возглавляющий почтенный союз крупных индустриальных обихов в извращенную форму «пропаганды оптимизма». Пропагандируйте оптимизм! Вушайте безработному, что он — безработ-

ный, а Ротшильд. Разъясните голодомому, что, отказавшись от хлеба, он гарантирует себе бессмертие. Кричите, что падение производства — счастливая полоса, которую тщетно искали наши предки. «Веселитесь, чорт возьми!» — чука кризиса требует поголовного шара. Впрочем американский посол в Берлине мистер Саккетт объявил, что кризиса уже вообще нет и что это только так кажется. Он же утверждает, что в результате войны рабочий класс стал феноменально богат и что он ограбил капиталистов. Вот и весь кризис.

— Главное, — утверждал этот счастливым своим недоумленным идиот, — достигнуть самой высокой точки кризиса. Эта точка уже достигнута, значит кризиса уже нет. Ясно.

Более точно срок ликвидации кризиса определила некая цыганско-еврейская предсказательница Терфрен Лайла, которая заявила, что кризис кончится, когда во Франции произойдет падение косметической промышленности, и наконец самый точный срок указан кризисным астрологом Мак-Кукишем, а именно: в ночь с 26 на 27 февраля. Астрологу не повезло: произошла ошибка.

Недавно в Чикаго начался междоусобица между двумя шайками. И вот на главных улицах затевается настоящее генеральное сражение с участием газов, пулеметов, автоматических ружей и даже аэропланов. Одна из шайк вышла победительнее, но обе потеряли на улицах 60 убитых и раненых. Неправда ли, занятное происшествие нашла себе техника в страхах высокоразвитого капитализма?

И это еще не все. Французам с помощью последних достижений техники оборудовали свой последний пажет. Жет, который дает им возможность в случае восстания в несколько часов переправить Париж в развалы. В Германии существует специальное заведение «Динта», которое работает только для того, чтобы обучать тысячи людей способам технического разрушения массовых выступлений.

Так изо дня в день техника, освобождаящая человека, превращается в технику разрушения. В Англии для борьбы с кризисом устраиваются богослужения с епископом кентерберийским. В Америке губернатор Оклахомы Вильям Муррей попросту распространяет нефтяные скважины, потому что эксплуатация их убыточна, а рабочие добровольно уходят не хотят. В Аргентине пшеничные короли ставят памятник жучку-вредителю, который один только может спасти страну от перепроизводства. Это в то самое время, когда в Америке складируют тысячи тонн угля, отходя от голода. В Бразилии запрещена добыча золота и одна на половине рудников. В Чили запрещено употребление грузовых автомашин, потому что они сокращают потребность в дешевой труде. В Югославии текстильные промышленники жалуются, что домотканые ткани вытесняют их продукцию. Техника стала невыгодной. Она стала на пути прибыли.

Вот и последнее слово научного прогресса. В Берлине недавно судили за кражу одного профессора. Оказалось, что его зарплата не хватало не только на существование, но его семье хватало на пропитание ребенка. Чтобы кормить себя и жену, чтобы покупать по крайней мере бумагу для научных трудов, профессор вынужден был воровать, как артисты для той же цели вынуждены попрошайничать. Берлинские технические школы, на дверях которых висят трагические плакаты «Не поддавайтесь следя, потому что отсюда выходит только безработных», отмечают, что половина их учеников идет на работу чистильщиками улиц и шюферами.

„Господа, вы расстреливаете ваше счастье“

Химак Таузенд в течение полугода дуралня всю Германию своими фантастическими опытами по вытаскиванию денег из карманов доверчивых маньяков. Ловкий пройдоха легко наша дед десятка легковых баблосов и убедил их в том, что он нашел секрет добывания золота из свинца: પણ, предназначенные для безработных, оказались начиненными банковскими билетами. «Господа, вы расстреливаете ваше счастье». В эффектный шлейф этого современного алхимика оказались сановники, генералы и даже так называемая интеллигенция, разумеется такая, у которой имеются гулящие деньги. Свинцовый божок с золотистым брюшком стер партийные перевертки. К делу оказался причастным знаменитый генерал Людендорф и даже сам Гинденбург. Все предпринято — обещано 1645 — пользоваться неограниченным доверием правительства, и даже в тюрьме Таузенд снабдил всеми средствами для продолжения опытов, вызвавших гомерический смех у ученых экспертов.

Удивительно то, что директор люнебургского воспитательного дома, арестованный за избивание 20 учеников, оказался автором самой «гуманной» воспитательной системы? У культуры кризиса и умственного банкротства должны быть и соответствующие полнейшие идеологии...

Автор самой гуманной воспитательной системы

„ПОБЕДИТ“

М. Вейс

„А я говорю, нужно...“

— А я говорю, нужно... и огромная рука Степанов, ударились, отскочила от тисков... Собрание явочки механико-строительного цеха слушало секретаря комсомольской базы.

— Давайте по-большевистски скажем. Сможем мы это сделать или нет?— И голос Степанов становится громче, и от этого сильнее воспринимаешь каждое слово, сильнее оно било тех, кто...
— Ведь вы соревнуетесь, товарищи, на вас смотрит вся фабрика,— Степанов остановился, на карманах броек вытаскивая блокнот.

— Агрегат к 15-му обещали дать, комсомольское слово дали, сумеете сдержать. В чем причина прорыва? Почему работа по агрегату идет медленно?
С табуретки поднялась худенькая Нюрка Станина, ее вымазанное в масле лицо, особенно по кончик острого носа, вызвало смех.

— Распалась...
— Крой, Нюрка!... — забасил Банисев.

— Хаааит, ребята, я о деле хочу,— и Нюрка обидчиво посмотрела на ребят.
— Давай, давай...
— Ребята, вот Вася Степанов спрашивает, почему мы агрегат задерживаем. Рецзы агрегат не берут, у меня их три на одной детали ваело, у Ястребовой такая деталь попалась... нитье с зазубринками, сталь, а не чугуи.

И Нюрка, сидевшая около Ястребовой, живо вспомнилась весь ход обточки деталей. Она пришла в цех в те дни, когда только и говорили, что через месяц ихнему цеху придется исполнить крупную работу общезаводского масштаба — установить агрегат Оранского.

До Оранского суровый товар обшивался в вареных кубках. Шестидесяти стоек в ожидании, когда кубы матер-ласть позволят на своем облате выпустить товар, задерживая выработку. Оранский, недавно окончивший технический вуз, предложил агрегат своей конструкции. Варка в кубках в его агрегате уничтожилась.

Проект рассмотрели и поручили Серпуховскому заводу дать литье. И быстро у нее сконфузились мысли, ей казалось, что она как будто напаша выдох.

Нюрку слушали.

— Ребята, кто дает нам литье деталей? Серпуховский завод. Давайте и спроси с него, он перед нами в ответе, пошлем комсомольскую бригаду, а в подарок серпуховским дадим изомашинные рецзы. Еще нам надо созвать производственное совещание, мастеров старых пригласим, может они что-нибудь и знают, чтобы эти проклятые рецзы не портились.

Ястребовой и Станиной стаяк рядом, вместе точат чугуиные шкивы, вместе делают дружба.

Зудом ходит деталь, но не идет ровная стружка, не берет литье ни самокляная, ни быстрорежущая сталь.

Ястребова пускает станок на холостой и подходит к Зейферу.

Александру Александровичу сорок третий,— более двадцати лет прошло ни на производстве; еще в Баку, в ремонтных мастерских бр. Нобель, получил Зейфер знание специалиста-механика машиностроительного цеха.

— Товарищ Зейфер, — Нюркины брови надают вниз, и ресницы смыкаются углом. —

«Дратье не как черти, а как Ястребова, Шабанов и Громов». «А как работают остальные 2 миллиона человек?» — так спрашивала «Комсомольская правда» у новички-комсомольца.

Печатательный отрывок из книги М. Вейса, выходящей в издательстве «Молодая гвардия», показывает, как работает Анна Ястребова, одна из лучших ударниц великого плана, работница 1-й сдвигавной фабрики.

Не берут рецзы... Сталь не берет... Делать что будем?

Зейфер задумывается...
— А лобья послышала на Серпухово?

— Ходили ребята, носили рецзы...
— Ну и что же? — Зейфер волнуется и криволицу покладает вместо бокового кармана в карман броек.

— Ну, скажи мне: лучшего литья не будет... В этой партии руда с другого бассейна приехала.

— Видно не сделаем заказа, товарищ Зейфер, — и Ястребовой кажется, что обработку деталей агрегата Оранского не сможет к сроку изготовить цех.

«Орнамисе, — думает Нюрка.— Выхода, где выхода искать?»

— Товарищ Зейфер, а что если производственное созвать с мастерами, — и голос Нюрки становится итким, — так кажется Зейферу.

А около них Станина точит втулку. Криволицу подбегает от хода шкивов, рецзы упирается в тело чугуи, выбрасывает блестящую, как никель, стружку.

Нюрка становится к станку. Зейфер поднимается в свою конторку для составления текста объявления о производственном совещании.

— Что-нибудь сделаем,— говорит Нюрка.
— Правда, сделаем, товарищ Ястребова.
— Должны сделать...

И Нюрка вспоминает о первых днях работы в этом цехе. Смотрит на свой простой дровяной токарный станок, переводит с холостого, и уже слышно докание ремня, делает минутный перебор, ход застопоривается, в патроне медленно вращается деталь цилиндрической шестерни, она направляет солдата. Еще перебор... И рецзы вливается в тело чугуи, и чугуи затрясывает монотонную песню, — так всегда кажется Нюрке.

А когда станок идет на самоход, любит Нюрка перебивать мысли, — хотя бы вот сегодня: на завтра надо всех комсомольцев фабрики собрать для военных занятий, послезавтра отчет на явочевой базе... Но газла и руки, приделанные к деталям, готовы каждую минуту отвести в створку каретки.

Рецзы постукивает, она останавливает станок и поднимает Войткова. На очиненной детали темнеет росчерк трещины.

Войтков прикреплен к Ястребовой с первых дней ее работы. Он хмурит и без того сморщенное лицо.

Ястребова не любит подывать своего прикрепленного. Она помнит его первое слово, когда она, Ястребова, стала у станка, — «откары в юбке».

И она, откары в юбке, доказывает таким, как Войтков, что справляется с токарной

работой и женщины, она бы обратилась скорей за советом к Горичицу, но он выходящий.

Войтков подходит к детали, опухает трещину.

— Содейт, вадай дальше...
Уходит.

Нюрка все же делает по-своему. Вынимает деталь из патрона и откладывает в створку. В патрон вставляет новую деталь. Чинит.

Когда приходит Зейфер, показывает отложившую в створку деталь.

Войтков злится.

А Зейфер, осмотрев трещину, бракует цилиндрическую шестерню.

За те месяцы, а их было два, когда она путешествовала от станка к станку, обучая токарному делу, мало ей помогло Войткову. Знание брала у других, не любила подходить к нему, — «ты за месяц хочешь научиться», а я литью на токарном полудни, нас кулаками учиш, заны чердаш выбивали... Видиши, у меня станок сам ходит».

И Нюрка присматривалась, постепенно привыкала к станку и за пять месяцев далеко шагнула вперед.

А высокой квалификации токарь Войтков не любил показывать ни кому-нибудь рассказывать то, что просто отдавая молодежи Александру Александровичу Зейферу.

И если задумывались Зейфер в этот момент вышел бы из своей конторки и, спустившись вниз к Ястребовой, спросил бы у нее, о чем она думает?

«...около окон, где стоят лучшие токарные станки, где пузатые бумажные валы перекатываются, скользя по алмазу, и отточены снимаются для сдачи в набивную... стачивается дорогая тысячная валюта — маальский, а несколько бузачовых головок алмаза».

И он, Зейфер, проработавший до седли, и она, еще не пережившая первой молодости, думали об одном, о замене алмаза, но чем?..

Мысли их сплывались...

„Победит“

Горичий оглядывается в ту створку, где работает вторая женская бригада.

Ястребова и Станина у гучу ца, пригнувшись к станкам, точат детали.

Над ними светлеет, как день, электрические лампочки широкими кругами распылают свет.

Войтков поворачивается к Горичицу.
— Закурим?..
— Пойдем...

Войтков ставит токарный на самоход.
— Ты бы выключил, — говорит ему Горичий.

— Что я в первой раз ужоу, у меня станок сам ходит, — его голубые глаза в дышке общидности.

Горичий переводит ход на холостой. Станок Войткова режет рецзом податливый чугуи.

В углу Ястребова и Станина растачивают дыры.

Неожиданно у станка Войткова раздается шум, режущий уши, звук заносится по цеху, несколько громких ударов падения на пол детали и дребезжащий вогаз рецзы...

Нюрка поднимается к станку Войткова, за Нюркую подбегает другие рабочие, из кузны без шапки бежит растерянный Войтков, за ним — догонку Горичий и...

Станка Войткова нет. Самоход дошел до передней бабки, поломал шестерни, изуродовал станок. «У меня станок сам ходит», — вспоминает Нюрка слова Войткова. Сам ходит...

— Германцы называют походный на этот сплав «видла», — говорит на производственном совещании Зейфер.

На ладони он держит стальную оправку и припаявшийся красной медью к ее концу кусок сплава, похожего по цвету на корбиту.

— Этот сплав, — продолжает Зейфер, — изобретен на Электростроительном заводе в Ленинграде и назван в честь победы над другими сплавами «победитом».

«Победит» бросает ровную стружку, и неподатливый, с зазубринами кутуз победит. Он спокойный позволяет незнакомому сплаву обтачивать свою черновую кожурку.

И Нюрка, влет, не только она — весь цех, все те, кто болел за то, чтобы дать к сроку фабрике агрегат, видят, что исход найден, а твердое серпуховское литье будет податливо «победит».

Вечером Ястребова посещает организатор Зейфером курсы токарей.

Александр Александрович долго думал... и решил открыть курсы по теории товарного ремесла.

Вечерами он собирает молодежь и обрисует по чертежам тонко сплетенные механизмы машины.

Женская бригада соревнуется с бригадой Горняков. После случая поломки станка Вой-

тковой к женской бригаде присоединяется Горняк, и теперь его худенькая фигура и маленькие монгольские глаза появляются между станками женской бригады.

В женской бригаде двое: Ястребова и Станина.

— Девятая, — и Нюрка аккуратно кладет в сторону законченную, с расточенными дырами деталь.

Станина кончает растачивать девятую № 8. У Горячего в среднем все сделали по девяти —, в его бригаде токаря с высокой квалификацией, но сам он работает над одинадцатой.

Худенькое лицо Станины молчаливо. О чем это она? Как кажется иногда усталая Нюрка о чем думает подруга... Вечеринка ведь устроена в техникуме, а днем работает на производстве, как не запариться? Потом Нюрка смотрит на вымазанную спонсую и видит поблескивающий красной медью комсомольский значок.

Ей понятно...

Агрегат готов

«Победит» отбрасывает ровную стружку. У Ястребовой в работе последние детали агрегата.

Другие токари работу закончили и сейчас пригонивают вулканы для шкворн.

Ихняя женская работает сдельно. Нюрка давно носит мысль о переходе на хозрасчет.

«Пускай», — думает она, — эта волюшка с агрегатом пройдет, и тогда мы!»

«Быстро отводит лентку... деталь обработана... теперь последняя».

— И-ах! — всхлипывает станок, и опять дрожит старинный от разбега паса.

Нюрка смотрит в сторону больших окон, около них выстроились токарные станки... там обтачивались бумажные и резиновые вали дорожной алмазами... «Там обтачивались», — думает она, — но не обтачиваются, — дешевый тридцатикосцевый сплав «победит» заменил экзотичный алмаз.

— Это наша идея — замена, наша рационализация.

«Алексей закончил обточку цилиндров».

— Ну как, Нюрка?

Нюрка смотрит на его бледное смеющееся лицо.

— И я закончила.

Оба смеются.

— Значит комсомол не подведет... Четырнадцатая сегодня.

Из кухни приходит дядя Данил. Губернатору пошел шестидесять шестой, из них пятьдесят лет провел он на производстве.

— Эх, молодежь, молодежь!

И его в седьме лицо, выгоревшие брови, высокий рост, натянутая кепка и длинные сапоги заставляют в молчании.

Выполнили, эти вату... — он плещет в ухо, унося мускулистое тело за изворот лестницы.

Агрегат готов.

В отбельном цехе снимают леса, а из механико-строительного выносят последние детали.

— Партийное спасибо, — так говорит секретарь партийной.

Комсомой сдержал слово...

Краснофлотцы за марксистско-ленинской учебой

ДЕЛА И ДНИ ФАБЗАВУЧНЫЕ

Б. Либерман. Рис. В. Горяева

Сегодня день казался морознее обыкновенного. То ли ветер вызвал похолодание, то ли просто зима начала жестче вступать в свои права, то ли Петя Сычев казалось морознее потому, что он плохо спал прошлой ночью, — во всяком случае погода казалась нестерпимо скупой.

— Петя, а Петя!..
На углу Горюховской кто-то дернул его за рукав.

— Куда торопишься, успеешь!
Это было товарищ по группе, бригадир второй бригады Степа Комытина.

— Еще беда четверти.
Пон-ин рябим. Молча. Попытки Комытина вступить в разговор ни к чему не привели. Петя сосредоточенно думал о чем-то. Лишь подойдя к подьезду, над которым висела аккуратно написанная вывеска:

Школа ФЗУ завода «Красный факел».

Сычев заметил Комытина и безразлично сказал:
— А, Степа? Привет.
И холодно протянул руку.

Урок математики начался не сразу. Совершенно говоря ни один урок в школе «Красный факел» сразу не начинался. 8—10 минут опоздания вошли в традицию школы и, как назло, вливая муку, предсказывали фабзавуч в течение последних двух дней после перехода школы на активный, бригадный метод работы.

К этому привыкли. На это уже перестали почему-то обращать внимание. Это вошло в привычку и считалось неотъемлемой частью педагогического процесса.

Иван Васильевич был серьезным специалистом своего дела. В свое время он окончил физико-математический факультет 1-го МГУ, много лет преподавал математику на рабфаках, в профшколах, а иногда и в техникумах. Вот уже третий год как он работает здесь. Ученики его любят, ценят, жалуются на него. Пифагорова теорема, логарифмы, различные алгебраические формулы, геометрические фигуры — родная стихия Ивана Васильевича.

На повестке дня — найти проекцию линии АВ. Об этом речь шла на прошлом уроке, задание было дано на дом и сегодня предстояло только закрепиться на достигнутом и пойти дальше.

— Начнем, ребята.
Иван Васильевич заложил руки за спину, склонил голову набок и монотонно, как всегда, заговорил:

— Проверим побригадно задачи №№ 107 и 108, потом ответим на доске и пойдем дальше. — Иван Васильевич, мы уже.

Бойкий фабзавучек в черной косоворотке выткнул руку вперед.

— Ничего, Володя, неважно. Повтори еще раз — крестче будет, — невозмутимо ответил Иван Васильевич.

— Да зачем же мне повторять, когда я это повторяю еще два года назад в семилетке?

— Неважно. Масло каша не испортишь, — продолжал спокойно педагог.

— Скучновато, Иван Васильевич, — обеспокоенно заметил фабзавучек и, садко зевнув, принялся активно зарисовывать профиль математики, скользящего над головами двух де-

шук и тихо полупотопом разглагольствовал что-то.

— Так вот, смотрите, — говорил Иван Васильевич. — Строим равнобедренный треугольник... Так... Повторю?

Девушки подтверждали покаянным голом.

— Теперь дальше: находим проекцию линии АВ, — продолжает учитель. — Ну, как найти проекцию?

Пальцы девушек робко скользят по всему треугольнику, и по А, и по В, и по С, а проекция все не находится. Будто провалилась эта проекция.

Чтобы не терять времени зря, тем более, что заседание бригады дружным хором пригласило на себе педагога, Иван Васильевич в одну секунду напел проекцию требуемой линии, сказал «вот она, проекция» и, отходя от парты, бросил нахолод:

— Ну, теперь понятно?
Девушки еще более робко, чем прежде, кивали головами, но их глазами и теперь видно было, что по существу они, собственно говоря, ничего не поняли, но признаваться в этом стыдно. В особенности стыдно перед своими соседями по партам, которые давным-давно наши проекцию линии АВ и вот уже минут двадцать сидят над разрешением задач, помещенных в отделе «Выходной день» газеты «Комсомольская правда».

Петя Сычев на уроках сегодня не был. Войдя в школу, он встретил зан, учебной частью Кондратьева и заявил о том, чтобы сегодня ему разрешили не присутствовать на занятии. Зану чужо, в чем дело, и не стал допытываться. Сычев сосредоточенно нырнул в дверь ячеек, помещавшихся направо по коридору в небольшой комнате, отгороженной от профкома тонкой фанерной перегородкой.

Бюро ячеек собралось в полном составе. На повестке дня стоял чрезвычайно острый и большой вопрос. Сегодня нужно было обсудить дело о так называемом «Малом Совнарком», всколыхнувшее за последние дни всю школьную общественность. Лица всех присутствующих необыкновенно напряжены. Космич бросил фразу соседу, в ответ летит короткая реплика — и все. Вдруг мелькает легкая улыбка на устах — и снова тишина. Радости, бодрости, непринужденного оживления, обычно сопровождающего все заседания бюро, сегодня как не было.

— Здорово, ребята, — бросил нахолод Сычев, разваляясь узелки картонной папки, заменявшей ему портфель.

Зашелестела бумажки. Сдвинув на затылок кепку и отерев лоб носовым платком, Сычев открыл заседание.

— В порядке дня один вопрос — о «Малом Совнарком». Слово имею я.

И потекла уже всем членам бюро знакомая речь о сущности этой организации, зародившейся в недрах фабзавуча и нажившейся тяжелой пятно позора на всю школу. Докладчик переименовывал, о ее делах и оговаривался в докладе, которую допустила ячейка, недооценивая общественно-политического воспитания. Убийственные факты, сообщаемые Сычевым, переименовывались с достаточной дозой бичующей самкритики.

Полчася говорил Сычев.

Тихо скрипнула дверь. В комнату просунулась голова паренька лет 17 в бараньей шапке.

— Можно?

Члены бюро ячеек переглянулись между собой.

«Ну жежи ой?»

Парень робко перешагнул порог и вошел в комнату.

— Я может не по существу, — начал он, заметив возмущенные взгляды, — но... неважно. Я только слышал, — там того... обсуждают будут... ребята говорили... Вот и пришел.

Это был Николай Крюков — один из активнейших членов «Малого Совнаркома», вчера уже исключенный из школы. На нем было бобринское пальто на вате и залатанные сапоги.

— Конечно, — продолжал он, — о прощении мне не простить... сам знаю, что...
«Он безнадёжно махнул рукой, и на глаза навернулись слезы.

— Ты не тужи, — резко переорал его Сычев. — Что сказать хочешь? Говори. Нечего иному распускать.

Крюков был сыном рабочего инструментального завода. В школу ФЗУ он поступил учеником, месца четыре — пять назад. Вначале учился не плохо. Ни один урок не проходил без Кольки Крюкова. Помогал товарищам.

— Я и сам не люблю, как это случилось... Спутался с Володькой!

Николай Крюков глубоко вздохнул и медленно, путая в словах, рассказал, каким образом он втянулся в работу «Малого Совнаркома», как Володька Панков — товарищ по учебно-производственной бригаде — подчинил его своему влиянию, подбывая на сыры занятия, и «собачьи» встречи педагогам. Он подробнейшим образом останавливался на системе и формах работы, практиковавшихся в «Совнарком», рассказал о травле Ефима Эпштейна, об издевательствах над ним, о том, как они его — спичего на неземной койке в общеделии — оккупировали холодной, ледяной водой.

В бригаде Пиджикова, большой праздник. Завтра после теоретической учебы они впервые пойдут на практику не в школьные мастерские, а в цех завода. Ребята впервые столкнутся лицом к лицу с самыми настоящими станками, они впервые займут настоящие рабочие места. Шутка ли?

Сколько трудов стоило уговорить Семена Ивановича — начальника цеха — принять к себе фабзавучаючий! Сколько слов потрачено на то, чтобы просьбы и угрозы ахастить Семена Ивановича выдлить для учеников 5 станков и специального бригадира. Сколько раз приходилось тащить Семена Ивановича в цехом, партом, чтобы он пошел на уступки, понял, осознавал наконец всю важность и необходимость перевода ребят в цехи после получения первоначальных производственных навыков в школьных мастерских.

Но радость бригады была, собственно говоря, несколько преждевременной. Утром, придя в цех, они нашли свои станки занятыми взрослыми рабочими. Семен Иванович разводит руками и уверяет, что он здесь не при чем. Цех получил срочное задание, и он к сожалению ничего сделать не может. Если угодно, покалуйста, — вот те два станка с крокет ученики могут занять, остальных ребят он может использовать на подобной работе.

В сердце что-то оборвалось. Радостное волнение, сопровождавшее ребят на школы до завода, мигом куда-то исчезло.

— Опять значит волшка. Не делать ничего. Надо приниматься за работу.

Станки, отведенные ребятам, оказались одного возраста со всеми ребятами, вдумали вместе. На этих станках пожалуй еще английский механик Уатт обтачивал части для первого паровоза в начале прошлого столетия. Крупные неуловимые механизмы были заправлены в допотопную станцию. Детали, обработанные металлом, вступились от времени, стерлись. На таком «блестящем» оборудовании о точности молодых токарей нечего и мечтать. Если старые высокоточные станки могли «на глазок» определить приблизительно правильно точные размеры обтачиваемой вещи, то для молодежи, не искусной еще в токарном искусстве, такая задача была по меньшей мере непосильной.

Пыжиков и Горячкин пошли к станкам. Остальных троих ребят временно прикрепили к помощи взрослым рабочим. Они тотчас же занялись подготовкой металла к станкам под руководством... чернорабочего — «начальника» вагонетки. Пыжиков с помощью школьного инструктора нунта свой древний станок и начал обтачивать держатель для ручной пилочки. Семени Иванович оказался весьма «благодетельным» и распорядился выдать в распоряжение фабузачников десяток безформенных кусков стали, на которых надо было выточивать держатели.

Работа не клалась. То ремеш соскакивал, то металл неизвестно каким «чудом» выплывал из своего места.

— Да ты на нем ничего не сделаешь, — заметил работавший неподалеку токарь Смирнов. — Вель на той балалайке уж месяца два никто не работает.

И по адресу Семени Ивановича послышалось крепкое ругательство.

— Что ж это он не знает, что на таратайке новых кадров не создат?

К вечеру в секторе кадров партика состоялось широкое совещание. Завиской Бессонов, представитель профессора, инструкторы, секретарь школьной ячейки Сичев собрались для окончательного разрешения вопроса о производственной обучении в цехах завода. Приглашались и Семени Ивановича. Смирнов пришел сам, без приглашения. Пыжиков и Горячкин с возмущением рассказывали о том, как холодно встретили бригаду в цехе, как их поставили к разбитым станкам, а других ребят превратили в подсобных рабочих. Смирнов упрекал Семени Ивановича в формально-бюрократическом подходе к учащейся молодежи.

Жаркий бой был в партком...

В неуютном обшежитии фабузачников, когда все ребята спали и легкий хрип с присвистом эхом отдавался в ушах, Петь Сичев сидел за небольшим столиком и на листке бумаги, выравненном из клетчатой тетради, что-то быстро записывал.

Издали казалось, что это — очередное завлечение по поводу школьных недостатков. Но, взглянув в тетрадь, мы увидели, что Сичев пишет письмо другу.

Здравствуй, Миша!

О наших делах ты пожалуй знаешь из прочитанного выше, а поэтому повторять не буду. Неважно у нас дело, хотя имеем большие достижения в работе. Ты знаешь, что наш фабузач — один из старейших в Союзе. Еще в прошлом году он отпраздновал десятилетие. Больше двух тысяч ребят он выпустил из своих стен за время своего

существования. Многие из них занимают ответственные должности. Мария Андреевна (сторожика наша) на вчерашнем как-то выступила с воспоминаниями. Очень интересно было. Жаль, что ты не мог быть на этом вечере. Она рассказывала, как ее воспитанники — теперь директора заводов, секретари комитетов. Есть летчики и прочие. Булкин, например директор учебного комсомола, Федотов — секретарь райкома темпора, Федотов — секретарь втуза и теперь работает техническим директором на «Красном выборже» в Ленинграде, Беспаолов — начальник воздушной эскадрильи на Дальнем Востоке. Да мало ли, — всех не упомянешь.

А все-таки, Миша, много еще у нас «бузль». С таким трудом приходится дело налаживать. Меня вызывает секретарем ячейки и я буквально запылав в делах — вздохнуть некогда. Тут качество поднимать нужно, с одной стороны, а с другой — очень туго это дело дается. Ребят переваля в цехи, договорились — все честь-честью, а толку пока что особого не видно, затирают ребят, ходу не дают. Не везет правда, в некоторых цехах дело налаживается, а в токарном — шунда не годится.

Большое по теории. И здесь чегуха получается. Не знаю, как у вас, а в нашей школе сплошные недоразумения.

Посудь сам: ребята у нас разные — есть семилетки, большинство же — процентов на сорок — имеют образование только за четырехлетку. Знания у них разные, а группы одни. Вот и налаживать работу. Одним скучно — дается на уроке нечего, а другим уши хлопают.

Все это утрируется, понятно, но поработать придется как следует.

Но ничто меня так не расстроило, как история с «Малым Совнаркомом». Ума не приложу, как это случилось. Правда, секретарем я недавно — второй месяц, но как мы променяли это дело, его могу понять. Чорт его знает! Впервые урок хороший — на все группы запомню. На общественно-политическое воспитание придется навлечь как следует. К стыду своему и всей нашей ячейке должен признаться, что с этим делом у нас тоже не ахти как хорошо. Даже речь твою. Постышева еще во всех группах не проработана.

У тебя как? Пиши мне побольше о своей жизни и о жизни вашей школы вообще. Может что-нибудь есть такое, чем бы можно было воспользоваться и для нашего фабузача.

Между прочим мы теперь по школе дело большое заворачиваем. Ты о нем наверное тоже знаешь. «Комсомолка» объявила всесоюзное соревнование фабузачев с призами для лучших школ и ее работников. Заворачиваем дело не-хорошо. С послезавтрашнего дня начинаем проработку в группах. Думаясь включиться в соревнование. И вам советуем. Это должно здорово помочь в налаживании качества учебы.

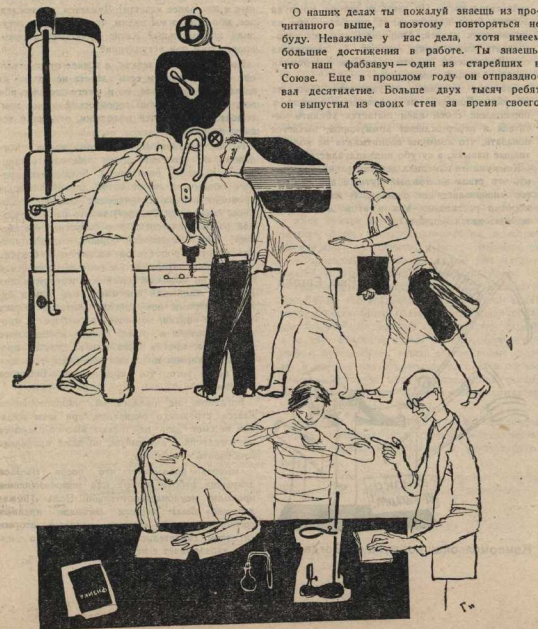
А там, глядишь — чем чорт не шутит — и всесоюзную премию получим. Может и мне костюмчик перепадет. Катати, позносились и никак не могу добиться ордера в профком.

Ну, всего-навсего, как говорил как-то артист Хенкин на концерте после московского собрания фабузачников.

Передай привет Нюре. Скажи ей, чтоб не обижалась, что не пишу, — некогда было, — дел больше много.

Петя Сичев.

Р. С. Пиши, смотри, не забывай.

Второй сигнал

(О „Вызове“ Н. Богданова)

«Все это конечно печально, — сказала Пичугин, кладя руку на плечо Насте, — надо знать комсомольскую историю, а у нас ее не знают. Вы нас обманули своим благополучием, обманули и себя. Я вспоминаю Триполье, оно было неизбежно. Это была высшая переломная точка нашей ложной романтики. Ведь до него многие из горничных голосов всерьез думали создать чуть ли не свою комсомольскую армию. Десятки самостоятельных отрядов одной молодежи.

Неужели молодежь была непригодна к бою? Нет, именно отбросив иллюзии после бесславной гибели одного из лучших отрядов под Трипольем, все увидели — только в рядах взрослых бойцов можно явить себя молодежь».

Эту заключительную речь голосом молодого рабочего Пичугина, как художественное оправдание распада коммуны «Вызов», произносит автор повести.

Обращение к Триполью — одному из эпизодов героической борьбы комсомола — дана автором случайно. Ему кажется, что гибель комсомольцев под Трипольем и гибель коммуны «Вызов» — «как две капли воды» похожи друг на друга.

«Вы тоже, — говорит дальше Пичугин, — организовали свой отчаянный отряд и потерели поражение. Да так, как и не ожидали. И надеюсь: не уходил из груди жизни. Только в самой стихии, в самом центре масс — наша роль и наше дело».

Такой представляется идея повести для самого автора.

Но такова ли она в действительности?

Где-то далеко, в необъятных просторах Советской страны, как стыже Пензенской и Тамбовской губерний стоят две девушки — Неужкина Жужука и Лесовата. В деревне есть комсомольская ячейка, но работы ее совершенно незаметно.

Все же в закуластии организуется коммуна «Вызов». «Вызов» — это, как думают коммунарки, вызов деревенской жизни, спячке и нерадению. В коммуноу вошла силашь молодежь, при чем молодежь, как это неоднократно говорят Богданов, любящая труду, любящая землю. Наиболее интересны в этом отношении является брат коммунар Александр.

Мысли и работы Александра направлены на то, чтобы как можно быстрее укрепить коммуноу: расширить посев ржи, засадить сад, завести домашних коров. На протяжении всей повести мы видим его чрезвычайно трудолюбивым. Встает он с восходом солнца, весь день без отдыха на работе, а ночью тоже не может уснуть и вновь идет работать.

Но какие интересы руководят здесь Алексеем? Желание улучшить жизнь восьми молодых людей, которые и составляют коммуноу. И только. Нет ему дела до того, как живет деревня, как работает ячейка. Нет дела до того, что под боком коммуны ведут свою разглагольствующую контрольно-оценочную работу, нет ему дела и до того, как выполняет свои обязанности коммуноа перед государством. Больше того, Алексей совершенно не желает поддерживать государство, что подтверждается скрытием хлебных излишков. Алексей мечтает о коммуноу, как о замкнутом мире. Алексей противится приему

братков, при чем распространяет обычную кулацкую клевету, что бедняки — лодыри.

Так же приблизительно мыслит и остальные члены коммуны — Федька, Ферапонт, Настя и др.

Работы деревенской ячейки, как мы уже отметили, нет. Есть коммуноа и есть другие комсомольцы, но вешедше в нее, это Делюгин — секретарь ячейки — и Тараска. Двое последних олицетворяют остальную «некоммуноу» часть ячейки, поэтому небезынтересно знать, как относятся к ним писатель, как показаны они в повести.

Тараска, деревенский парень, не довольствуется тяжелым трудом и ищет легких хлебцов. В поисках их он уезжает в Москву, где видит толпы толстых измазано, развещающих в такси, да празднопотающую публику. Коминтерн комсомола посылает его в Подмосквовский бассейн, где работать куда труднее, чем в деревне. Тараска бежит в свою «родную деревенку» и попадает к батистам. «Да, здесь своя жизнь, — рассуждает Тараска, — свой мир. И в нем есть привлекательность».

Батистский коллектив процветает, и если ко всему этому прибавить серость деревенской, беспорядочное пьянство по праздникам, драки, насильственные женщины и все другое, что составляет идеализм деревенской жизни, то картина получится весьма определенная.

Коммуноа не сумела изменить окружающую действительность. По замыслу автора коммуноа должна была погибнуть. И погибла. Один из деревенских парней, Андрушка, пытался измазано коммунарку Алютку. Та застрелила его. В отместку за это крестьян разгромили «имение новых помещиков».

Трагедия восьми «энтузиастов» была не случайная. Богданов на протяжении повести в оправдание своей идеи пытается убедить читателя в перерождении коммунарков, пытается доказать, что коммуноа воспитывала не коллективистские навыки, а сугубо индивидуалистические.

Коммуноа не изменила действительности потому, что стала на ложный путь, и вот сам автор «исправляет» ее ошибки. В конце книги коротко рассказано, как в этом же сезоне организовался колхоз.

Рис. Евгана

Комсомольская коммуноа по Богданову

Дело было на собрании. Говорит Чулунок, оди из громивших коммуноу:

«— Допустим мы изменили в ущерб советской власти! Все Россия теперь обернется и спросит: чего у вас там такое в Неужкину Жужуке поучаюлось, а? Что скажем?

Чулунок опять замолчал.

Собрание пришло.

— Эх, вы, скажет все Россия, эх вы, земля у вас хорошая, уютная больше, а вы их не охватаете и другим не дадите. Негодный вы народ...

— Идите в Сибирь, скажет все Россия, там вы осмиритеся, а на ваше место мы из толмых мест посланных пришлем... Они здесь так раздалат, что горы хлеба произведут.

И пойдем мы под комхоз «как каторжанцы».

Но собрание не соглашается с этим. Музики не хотат кити в Сибирь, да еще спод комхоза, да еще «как каторжанцы», и они решают организовать... колхоз.

Колхоз организовали. В противное коммуноу, узков, замуштовую ячейку, ась Неужкина Жужука в коллектив. Так исправили автором ошибки восьми «энтузиастов».

В действительности ли в коммуноу переродилась комсомольцы, или наоборот рост ее только способствовал развитию всех заложенных в них пороки качества? Думается, что последние, ибо откуда мы видим, что в коммуноу вступили комсомольцы? Какие соображения руководили ими при вступлении?

Коммуноа эта — кулацкая, и всякое отожествление ее с Трипольем есть клевета не только на настоящее комсомола, но и на его прошлое, ибо под Трипольем погиб героический отряд комсомола, швет рабочей молодежи, отдавший все своим революцией.

И «исправляя» ошибки коммунарков, Богданов не спасает дела. Метод организации колхоза, показанный Богдановым, ничего общего не имеет с той жизнью, которую проводит партия. Запутанство («идите в Сибирь, скажет все Россия») вместо разительной работы, классовый мир («Пусть и мы вместе») вместо классовый борьбы, головокружение вместо кропотливой настойчивой борьбы.

Напомним автору, что в работе, проводимой партией по социалистическому переустройству деревни, Ленинский комсомола был, есть и будет ее первым помощником. Активно борясь за жизнь партии, комсомола с ам борется против замкнутости в узком рамках молодежного коллективиста, против анархизма, против противопоставления молодежи взрослым, т. е. против всего того, что приписывает Богданов комсомолоу.

Богданов, не оладеливший мировоззрением класса, строящего социализм, при всем желании не смог дать не только высоко-идеального произведения о комсомолоу, но даже правильно отобразить его работу.

«Вызов» показывает, что после «Первой девушки» работа автора над мировоззрением проходит неудовлетворительно. Если «Первая девушка» была первым сигналом идейных срывов автора, то «Вызов» является вторым сигналом, свидетельствующим о том, что писатель западает на перестройкой.

ДВЕ ПОВЕСТИ О ДОНБАССЕ

Творчество В. Хмары

Г. Бровман

«Без ямки» — так называется вышедшая недавно вторым изданием первая повесть Хмары. Не случайно это пронаведение открыло собой серию «Новиков комсомольской литературы» «Молодой гвардии». Эта повесть, как и вторая — «Подземным ходом», разрабатывает по существу ряд важнейших проблем социалистической индустриализации страны. В центре внимания автора — новый, механизированный Донбасс, уверенно и упорно осваивающийся из ямки, казла, обуха.

В повести «Без ямки» тридцать молодых батраков во главе с энтузиастом-комсомольцем Буджом посылает эскадру, затерявшуюся «покрытую плавнями» деревню Болотинку для того, чтобы пополнить свежими силами ряды донецких шахтеров. И Юрко Буджа со своей бригадой совершает длительный путь от Борщевки до Болотинского рудника, где бригада включается в борьбу шахтеров за новый Донбасс. Встречающие на руднике казенно-бюрократическое, а временами открыто враждебное отношение к себе молодые кадры с честью отражают сопротивление врагов, одерживая победу за победой.

Центр тяжести автор переносит на показ рудника, шахт, их героев и врагов, и только в этом плане для него и представляют интерес приключения на рудник батраки.

Развернуто показать весь путь борщевских батраков — значило раскрыть в художественных образах глубочайшую психо-идеологическую перелому деревенской молодежи, откошенной еще углубой капитализма, мелкобуржуазных представлений, перелому, который происходит в процессе труда на социалистическом предприятии. Это значило показать, как организованный пролетарский коллектив под руководством партии в обстановке ожесточенной классовой борьбы, в процессе уличничества и соревнования воздействует на крестьянскую молодежь, перерабатывает ее, переносит, создавая в ней коммунистическое отношение к труду.

Важность и необходимость такого показа сделана особенно очевидными в свете постановлений XVII партконференции, намечившей впервые в истории человечества практическую программу построения бесклассового социалистического общества.

Изображая процесс приобщения непролетарские или полупролетарские массы к индустриальному, социалистическому труду, пролетарский писатель должен показать, как преодолевают они увлечениею до рубского прошлого буржуазные, мелкобуржуазные, антиобщественные предрассудки и привычки, колоссальную силу которых неоднократно подтверждал Ленин.

Нашупав возможность такого показа, т. Хмара, к сожалению, эту возможность не использовал. Его герои даже уже на первых страницах почти окончательно сформировались, босыми и преданными делу социалистического строительства энтузиастами. Но ведь нам известно, что отсталые, раваческие и шкурнические настроения существуют не только в среде только что пришедших из деревни, находя-

щихся ранее в условиях индивидуальных, карикульных хозяйства кадров, а в среде основных рабочих, «воспитывавшихся» в условиях капиталистического строя. И в том-то и сила и огромное значение нашей борьбы за социализм, что она каждодневно, ежедневно перековывает непролетарское сознание, создавая в процессе возникновения новых, социалистических отношений нового человека, сущность которого ярко проявляется в новом, коммунистическом отношении к труду, в свою очередь изменяющем лицо наших предприятий.

Отобразить это перелом, совершившийся в условиях классовой борьбы в процессе преодоления отсталых и собственных настроений в среде трудящихся, значит создать произведения, могущие действительно содействовать построению социалистического общества.

Что же помешало Хмаре справиться с этой задачей? Мы уже отметили элементы неадекватности его метода, сказавшиеся в покое приключавших на рудник батраков и особенно в художественном раскрытии их вожака Юрко Буджа. Это же, хотя и в несколько меньшей степени, сказывается и в покое деревня-комсомольца, шахтера Андрюши Кротова в повести «Подземным ходом». В своих повестях в той или иной степени почти в каждом образе, как и в покое развертывающихся на шахтах событий, сказывается этот основной творческий недостаток Хмары.

Обратимся к показу писателем классовой борьбы на предприятиях. И на Болотинском руднике («Без ямки») и на Кошкинском («Подземным ходом») героическая борьба ударников за уголь встречает сопротивление классовых врагов и их агентов. Вредители и саботажники, бюрократы и оппортунисты, наконец явля и летуны упорно препятствуют механизации угледобычи, сопротивляются новым формам труда, пытаются сорвать соревнование и ударничество.

Стельки в Охлопкин в «Без ямки», Блонин и Зарубежный в «Подземным ходом» — это по существу отображение лишь разных форм сопротивления классового врага. И если в «Без ямки» мы не находим еще наиболее острых форм этого сопротивления, а встречаемся лишь с шептунами и оппортунистами, то в «Подземным ходом» мы видим уже наглых явчат и откровенных вредителей. Автор от повести к повести углубляет покое классовой борьбы, но это углубление идет не путем идейно-художественного развертывания ряда образов враждебных нашему строительству людей, а за счет введения новых образов, фиксирующих и отражающих новые этапы, новые формы и методы сопротивления врага. И в покое классовых врагов пролетарства также сказываются отмеченные нами выше недостатки творческого метода Хмары.

Приведем показательный в этом плане диалог между матерями бюрократизма-оппортунистами: председателем шахткомса и администратором.

— Ну что ж, прорыв так прорыв, нам не приходить... — прикурив газла, провясил Ка-

лестрат Софроник. Безбрежное спокойствие расплылось по его маслианному лицу.

— Но ведь циркулар за штургалором... Заводы, железные дороги, решенье векале... — вытряхивая пузатый портфель, выла Охлопкин.

— Ихнее дело писать, твое — подписывать.

Аппетитно чихнул, Стелькин накая кнопку авнона. В дверях показался инвайдил-шефдар.

— Прицати, паша, два бутылочки шарпану...»

Здесь явления берутся с чисто внешней их стороны, при чем подчеркиваются детали, не скрывающие классового смысла поведения Охлопкина и Стелькина. И таким образом говорят и действуют они на протяжении всей повести.

Независимость образов враждебных нам людей тесно связана с независимостью положительных образов — передовиков-ударников. Глубоко осмыслил и художественно полноценно отобразил в своем творчестве герой-ударника, энтузиаста строительства, значит дать одновременно беспощадное разоблачение и развенчание классового врага. Все это мы находим у Хмары, но в неполном виде. Автор, изображая классовых врагов, не всегда еще способен глубоко вскрыть классовый смысл их действий, обнажить социальные корни их поведения. Так схематичность покое инженера-вредителя Зарубежного не дала автору возможности с необходимой силой разоблачить в этом образе хитрого и нагаого классового врага. Образ Зарубежного к сожалению оказывается близким к плякату.

Старый рабочий Миний Петрович Зубков («Без ямки») напоминает репертон из мелко-классовых произведений прошлого. При покое этого образа автор задумал очевидно противопоставить варварское капиталистическое прошлое Болотинского рудника его сегодняшнему дню. Однако воспоминания Зубкова, его рассказы лишены необходимой идейно-художественной оправданности в повести, без чего они становятся излишними и не делают того, что нужно. В этом смысле удачнее «Пролог» в повести «Подземным ходом», который убедительней и оправданней раскрывает противопоставленность прошлого и настоящего.

Каковы итоги?

Стоящая перед пролетарской литературой с всею остротой задача покое социалистической передельи классового материала — задача, вставшая в неглубоком разрезе и перед Хмарой, им в этих произведениях недостаточно разрешена, хотя тематические пути художественного развертывания этой проблемы автор намечены правильно и интересно. Это свидетельствует о том, что в Хмаре мы имеем писателя с большими идейно-художественными возможностями. Но только дальнейшая борьба за мировоззрение, за диалектико-материалистически творческий метод, упорная литературно-творческая учеба и критическое осмысление своей работы могут обеспечить создание высоко идейных и художественно полноценных пролетарских литературных произведений. Именно в этом направлении и должен двигаться Хмара.

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

(О книге И. Скоринко «Дикая дивизия» *)

Г. Александров

Клеветническая, извращающая историю комсомола книжка И. Скоринко «Дикая дивизия» до последнего времени некоторыми критиками выдавалась за подлинно комсомольское произведение. Сегодня мы разоблачим истинную сущность «Дикой дивизии»

Художественное отображение истории комсомола должно быть одной из боевых задач пролетарской литературы. На примерах героической борьбы комсомола первых дней организации союза, гражданской войны, подполья и т. д. мы можем и должны воспитывать подрастающее поколение рабочей молодежи. Пролетарская литература в деле идейно-политического воспитания миллионов масс — рабочей молодежи, недавно пришедших в союз, может (и обязана) сыграть большую политико-воспитательную роль.

Включаясь в работу по созданию истории комсомола, мы должны беспощадно разоблачать всяческие попытки политического искажения, опошления героической истории комсомола. Одним из наиболее ярких примеров подобного искажения и опошления является книга И. Скоринко «Дикая дивизия».

А между тем до сих пор эта книга не раскритикована. Даже наиболее резкие рецензии («Ина литпусть» № 19, 1930 г.) не вскрыли ее политического смысла.

В своей работе, изданной впервые в 1926 г. и переизданной в 1931 г. «в дополненном виде» («Под большевистскими знаменами», «Молодая гвардия», 1931 г., стр. 78), Скоринко по-троцкистски противопоставляет рабочую молодежь

и комсомол рабочему классу и большевистской партии. «Дикая дивизия» в художественной форме протаскивает те же идеи.

В книге «Под большевистскими знаменами» упорно выдвигается на первый план молодежь, противопоставляемая всему рабочему классу.

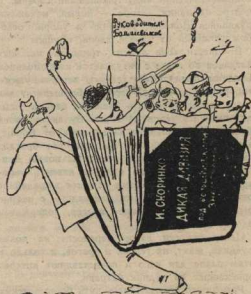
В 1905 г. в Харькове после расстрела рабочих старшеры ушли домой или попятались, а молодежь готовилась встретить непринятых гостей». Начиная с 1915 г., молодежь — в казачьей гвардии рабочего класса в борьбе против войны, террора» и т. д. Начало 1917 г. — забастовка на Путиловском заводе. И, по всей вероятности, полицейские праздновали бы победу, если бы не молодежь. — Стойте, ребята! Вперед! — кричали подростки, подбавляя размах».

Всюду в описании 1917 г. молодежь «подталкивает» партию на решительные выступления (июльские дни, Октябрь и т. д.).

Троцкистский характер книги И. Скоринко явно сказывается в следующем: апрельские тезисы В. Ленина Киевский комитет большевиков отверг, а молодежь решительно поддерживала. Разве этот момент в какой-то мере характерен для отношения партии к апрельским тезисам Ленина?

Но Скоринко пользуется этим нехарактерным фактом, чтобы обосновать троцкистский тезис: молодежь — самая революционная часть

Рис. Ергана

рабочего класса и партии. Нерешко у Скоринко просякаывает открытая клевета на рабочий класс, который оказывается погрязшим в мешанском болоте, а молодежь его «вытаскивает» из болота. У взрослых рабочих — предрассудки, привязанность к «тихому» се

*) И. Скоринко. Дикая дивизия, изд. «Прибой», 1930 г., стр. 279, к. 1 р. 65 к.

Рис. Ив. Грушнина

В механизированной шахте Донбасса. У конвейера

неймому очу (сам, колотенко ступля и облупленный конод не могли пошептать рабочей молодежи поить в рядах передовых солдат революция — стр. 18).

Те же идеи проводит Скоринко в «Дикой дивизии». Руководство партии союзом молодежи заключается лишь в том, что председателем горкома партии надо избрать устат Питерского социалистического союза молодежи, и эти все партийное руководство в повести ограничивается. Борьба рабочего класса, партия полностью выпадает из «Дикой дивизии», лишь молодежь полностью защищает революционные позиции. Союз молодежи более последователен и решителен, нежели большевистская партия — этот троцкистский тезис откровенно проповедуется Скоринко.

Прогосходит собрание расклеванных лисенок, дается директива прятаться и от большевиков.

« — Вопрос ?... Разрешите вопрос! — по-требуется поинчик.

— Иисусень, — милостиво кивнула Заонегия (руководитель большевистской молодежи — Г. А.).

— Мне как новичку неясно... Почему нужно прятаться от большевиков?

— Ах ты, Сапожок, — снисходительно отозвался Заонегия. — Прятаться нужно потому, что члены комитета большевиков нам запрещают сдирать с забора небольшевистские листовки. Это, мол, будет сочтено, как хулиганство... Это, мол, не демократично... Но только мы с Сашкой Осовым не согласны... с идей Яшей Лашинным (председателем горкома партии)... Мы исходим из диалектического материализма» (стр. 165).

Так с точки зрения диалектического материализма молодежь подпрыгает демократствующим большевиками?

В книге «Под большевистским знаменем» И. Скоринко, вспоминая о том, что рабочая молодежь основательно меньшевиков, устраивала им «квотировки», подчеркивает, что это зарождало революционный настрой и большую часть рабочих, принаклеванных одновременно реагировать на боевые места в речки ораторы» (стр. 39). То же самое в «Дикой дивизии» (стр. 184—191) — описание заводского митинга.

Так же искажено и опознано лицо рабочей молодежи, первых комсомольцев. В книге нет ничего похожего на подлинную историческую действительность. Богема, люмпенпролетария выдвигается за рабочую молодежь; воровской, вынужденный язык — за язык рабочей молодежи. Совершенно не случайно герои повести показаны вне завода и рабочего быта, — они полностью выпадают из рядов пролетариата.

История «Дикой дивизии» ничего общего с подлинной историей комсомола, борьбой рабочей молодежи не имеет. Судите сами. Губернская организация молодежи. Молодые эсеры и меньшевики хотят продать ей «беспартийно-культуринский характер» (нечто вроде

«Обработка меньшевистской молодежи» по свидетельству «историка» Скоринко.

полпотк Шевцова). Большевистская молодежь борется с меньшевиками. Ага, подмечает неслучайный читатель, наверное И. Скоринко покажет борьбу за рабочую молодежь, разоблачение контрреволюционной политики меньшевиков и т. д. Увы, читатель жестоко ошибается.

Все дело не в завоевании рабочей молодежи, а в лишнем голосе в комитете. Для этого: 1) дускуются в ход зубулькины, сворачиваются скуды и т. д., 2) любовь по партийному заданию.

« Вот как разоблачается «социалистический блок».

«Пока Заонегия уличал в предательстве социалистической блок, Сашка Осов отхаркался на председателем месте с видом человека, сознающего свое достоинство над окружающими, и стал наделять затрещинами каждого меньшевика и эсера, подвораивающегося под его зудлиную руку». Выше зубоборательского разоблачения оппортуниста И. Скоринко не подымается. Классового, политического разоблачения меньшевиков нет и в виду. Да и в каком классовом подходе может идти речь, когда главное («и больше никаких гвоздей») — получить лишний голос в комитете. Ради голоса идет упорная обработка буржуазной франции Верн; руководитель большевистской дивизии Заонегия удостоивается звания спервого любовника в большевистской фракции (?!). И вот по партийному заданию начинают «обрабатывать» меньшевиков.

Рисованная меньшевистской молодежи И. Скоринко сведено к «обработке» ее женской части, ведь «любленному в большевика башу с панталыка трудно сбить».

Плохая история союза ничего общего не имеет с подлинной историей комсомола. Весьма показателен язык книги. Вот как говорит рабочая молодежь в «Дикой дивизии»: «обычно звали бедра. Жму ваши диалектические копыта, — приветствовал его Сашка» (стр. 152).

«Грязно, ласку! Проходоке! Скервондул, гаджисмо! Дриандонсо» (стр. 66). «Прощайте, достопочтенный кабалеро... Прощайте, старая галоча с ноги Магомета... Жму ваши грязные копыта» (стр. 153) и т. д. Феода, россомаха, кошева мама, — все время перемежаясь с «вздохи, сухой и сукным снамо, фигурирую на каждой стране. Жаргон ворз и уличной богемы совершенно не случает. Герои «Дикой дивизии» по своей идейной сущности, классовой направленности, методам работы и т. д. ничего общего с большевизмом и комсомолом не имеют. Это — анархизм, «завесившиеся» молодые мезне буржуа.

И вот этих анархистующих «стрепалы» и люмпенпролетария Скоринко делает наиболее революционным отрядом пролетариата, подправляющим «демократичным» большевиков. Дальше нети вкудай!

«Дикая дивизия» объективно является клеветой на партию и на рабочую молодежь, клеветой, протаскивающей гнилые идеи контрреволюционного троцкизма о том, что молодежь является «барометром» партии, что она подравнала партию и т. д.

Как это ни странно и чудовишно, «Дикая дивизия» была сочувственно встречена критикой. Вот что писала «левая» лифтовница Златова («Стойки» № 21, 22, 1930 г.): «Для того, чтобы ухватить действительное лицо комсомола 1918 г., для того, чтобы действительно почувствовать запах той аюи, услышать ее жаргон (воровской?) — Г. А.), нужны такие книги, как «Дикая дивизия». Далее из «Дикой дивизии» Е. Златова выводит историю комсомола и заканчивает все это так: «Сочные, красочные мазки, оживляющие перед читателем фактическую историю комсомола... «Дикая дивизия» это подлинно комсомольская, насквозь молодая, живородящая и увлекательная книга, соединяющая в себе героичный пафос и умный и злой смех».

Заклюбяиваючися Е. Златовой авторит. но более скромно и умеренно М. Вотенсон («Звезда» № 2, 1930 г.): Книга читается с увлечением, действующие лица очерчены живо, с тонким и любовным юмором, лексика их хорошо индивидуализирована. Некий С. К. («Литература и искусство» № 2-3, 1931 г.) считает, что в книге И. Скоринко ярко выражена специфическая особенность пролетарской литературы — необычайно здоровый оптимизм.

Так критика беспринципно замызгивала политическую вредность «Дикой дивизии».

Многомиллионный ленинский комсомол должен иметь научную историю своего возникновения и развития, построенную на основе учения Маркса — Ленина — Сталина. Создание такой истории возможно лишь при самом беспощадном разоблачении всяческих антиленинских извращений и гнилого либерализма по отношению и ним

„Правила весны“ *

Капица взял очень важную и интересную тему — борьба комсомольцев-фабзавучников за учтубо. Автор показывает результаты работы, энтузиазма, настойчивости фабзавучников — ремонт забросованного паровоза, признание в цехах, преодоление бузотерства и т. д.

Книга представляет собой записки одного из фабзавучников.

На протяжении 70 страниц (на 115 вех книги) сочно и со знанием дела автор показывает бузотерскую шувальную «аракство» жизнь в общежитии, изолирует комсомольцев-фабзавучников от общественной жизни завода. Показаны похождения фабзавучников в кино, в трамваях, в поисках «жратвы» и т. п. О «жратве» автор говорит много, вконец смывает то, что заслуживает двух слов.

Разумеется надо было озерство, бузотерство, мелкое хулиганство, «аракство» и знаменитую «Гарбузю» (общежитие) в сатирически тоних полах как сугубо отрицательное явление. Однако у Капицы — наоборот. Именно вся первая половина книги (бузотерство, ничтожество, шалопайство) написана в самых ярких красках.

Преподаватели старой школы все, по автору, крайне глупы. Так, преподаватель физики — Андрей Мята, как его зовут ученики, — больше показывает фокусы. Преподаватель спецдела вечно «изобретает», до уроков ему дела нет: «А Тюркеть (прозвище преподавателя) точно забыл обо всем, смотрит а окно задумчиво и напряженно». А в это время в классе играют в шахматы, шашки, рассказывают анекдоты и т. п. Общеизвестно тоже изображается автором как какой-то сконорох на мазарде. Единственный положительный образ — преподаватель русского языка — Тах; но автором этот образ не развернут, много в нем остается необъясненным. Одним словом весь преподавательский коллектив школы показан в надуманно-карикатурном виде. А это конечно совершенно неправильно. Огульное охаивание старых наладков, из которых многие честно и искренно работают с нами, вольтерски вредно. И сами фабзавучники показываются только с плохой стороны — грубыми, некультурными. Вот характерный пример разговора фабзавучников:

«Кто у вас?»

— Дыр-доска. Любовь в лесу — живот на ноу.

— А у нас Бум-рататуй (это все прозвища педагогов. — Н. Т.). Урок трепаологии. Не то, что у вас — технолог топтатель дорог, читатель вываск.

— Дай слезверну, чего он разорвется.

— А уши у роуля выдал?

— Глюй, глюй (т. е. иди, иди. — Н. Т.), а то в лезий глаза» (стр. 16).

Так в бузотерстве, в лирушках, в коллективных хождениях в кино проходили дни учебы в ФЗУ. И ребята ничего не выносили из аудиторной Ну, а где же завоком, явочки ВКП и ВЛКСМ, ибо они-то в какой-то степени отвечают за работу ФЗУ, за учебу в нем? Отношение к ФЗУ профессиональных и партийных организаний завода (исключая партприкрепленного и комсомольского явочки школы) в книге никак не мыслится.

Дальше Капица пытается показать проделанное бузотерства, борьбу фабзавучников за признание в цехах.

В цехах все смотрит на фабзавучников, как на горе-смену, гоняют их, смеются, называя сосунами; серьезную работу и хорошие станки им не доверяют. Правила в цехе нашлись один рабочий, «пожалевший» сосунок, но и тот автором не показан, не дан выхлопу, сильно. Но вот эти «сосуны», после того как весь цех отказался отлить очень тонкую и хитрую модель, берутся на риск и все упорной работы удачно отлили модель. Этот момент надо было развернуть шире, показать глубоко, всеосторонне. Но автор ограничивается несколькими строчками.

Отлитая модель наутро была разбита. Капица опять не утруждает себя более глубоким показом данного факта. Кто разбил отлитую модель, при каких обстоятельствах, из каких соображений и т. д. — этого нет в книге, от чего она очень многое теряет в смысле глубины вскрытия явлений серьезного большевистского отношения к фактам.

Капица не углубляется в явления, которые он описывает, не разбирается в тонкостях и деталях классовой борьбы, в проявлениях этой борьбы. Поэтому он часто падает в грубые ошибки.

Весь цех ополчился на «сосунок» за то, что они посмели после отказа старых литейщиков отлить модель. После бузотерства, которым ребята жили раньше, первая крупная победа в цехе должна быть подана автором — сильнее, стать центром книги. Этого нет. Остается также безвакантным и Глухов, открыто вступающий против молодежной бригады. Цех автором не дифференцирован. Он весь, против «сосунок». Не нашел автор в цехе сознательных, передовых рабочих, которые сразу примкнули бы в полном кадрах, помогли бы им, учени. У Капицы весь цех смеется, когда фабзавучники вызывают рабочих на соцсоревнование. Это политически абсолютно неправильно, ибо здесь, во-первых, цехом охвачены цех, все рабочие, во-вторых, видно здесь явно авангардистский пох комсомольцев. Мелком показывает Капица следующий возмутительный случай. После отливки тонкой модели ребята ввязались за другую отливку, большей сложности и трудности. И здесь осыпал «сосунок» литейщиков. Рабочий Балаш струсил. Ему растет конкуренция. Тогда он под видом помощи ребятам портит их отливку, заывает к себе бригадиря Хрупова, спинает его и уговаривает портить работу в бригаде. Заказ передатку ему, Балашу, а он возммет Хрупова к себе в помощники, они будут зашибать большие деньги. Капица не раскрывает классовую сущность ни Хрупова, ни Балаша. Кто Балаш? Балаш — шкурник, ввач. Но разве Капица сорвал по-настоящему маску с этого врага?

Схематизм, поверхностный пох цеха, борьбы ребят за признание сильно снижают ценность книги. Характеризует персонажей Капица чрезвычайно плохо. Он еще не умеет дать классовую характеристику человека. Педагог спецдела — ни ходит, ни стар, что сло. Изобретатель рассеян. Он в самом деле Эдисон (в начале нечто похожее на Чинькова). И все главные персонажи книги: Гром, Бахтина, Нина Шумова, Жорж Сотков и др. — вышли безликими, незаметными, не цепляющимися чем-либо

за память. Они проходят как говорящие безхарактерные Ваньки, Юрки, Тольки, Нинки.

Я однако никак не склонен «удичить» Капицу в дитрофонических методах работы, в идеальном, намеренном так сказать, схематизме. Отнюдь нет! Просто Капица — еще очень молодой комсомольский писатель, начинающий, неопытный, мировоззренчески недостаточно сильный. Поэтому он часто сбивается на линию наименьшего сопротивления.

Но при всех недостатках «Правила весны» — полезная и интересная книга о молодежи, о росте новых кадров. Книга увлекает читателя живостью изложения, искренней добротой, молодостью и здоровым смехом.

Однако здоровый смех, бодрость и жизнерадостность и автора и его друзей-персонажей — Тоек, Дунек и пр. — объясняется не только их возрастом, молодостью, физическим здоровьем. Дело не в возрасте, — дело здесь в социальной молодости, дело в том, что автор и его герои ощущают себя индивидами самого передового и сильного класса нашей эпохи, класса, которому принадлежит будущее. У пролетария в СССР и его молодого поколения нет ни малейшего уныния и pessimизма, ибо его настоящее дело крепко, его будущее ясно и надежно.

* Петр Капица, Правила весны, «Советский пролетарий», Ленинград, 1931 г.

Под сенью глобуса и карты двух полушарий

Очерк Б. Клавина

Он живет «незаконно», на положении подпольщика. Он нигде не прописан в Туле. И не только в Туле. Он вообще нигде не значится как советский гражданин.

В селе Рязановка, Павловского района, он считается выбывшим в неизвестном направлении. В числе же тульских жителей его официально нет, потому что ни одно отделение милиции не хочет его взять на учет без справки домоуправления. А домоуправление...

Нет никакого домоуправления у преподавателя физики пятой ФЭС, двадцатилетнего комсомольца Василия Агафоновича Барменкова.

И по очень простой причине: «дома» нет у Барменкова. Его дом—школа. Место работы—школа. Ночлег—школа. Его постель—две парты, пальто, кашне и шапка.

В 1927 г., окончив восьмилетку, Василий Барменков приехал в Тулу и был зачислен на первый курс педагогического техникума. Три года учился, затем—преподаватель математики и физики в ШИМ, двухмесячные курсы в Москве, и наконец—учитель физики второго концентра в Туле.

Из 680—будущих инженеров, педагогов, агрономов и—who знает?—может быть и писателя и художника. Они ютятся в небольшом дурацком домике. Школа работает в две смены. Потом—различные курсы до глубокой ночи. Детям негде собраться, поиграть, почитать, поразвлечься. По окончании уроков они должны немедленно освободить вешалку и очистить помещение для следующих групп.

Ребята, как изобретатели, одержими большой склонностью к изобретательству. Аэроплан, автомобиль, пароход—излюбленные темы детей.

Кружок моделистов—сердце всей внешкольной жизни. Но как может это сердце биться нормально, когда для него нет места в школе? Ему нелегко приткнуться. Его загнали в темный чулан, где вечная ночь, где вечно горит подслеповатая электрическая лампочка. И жизнь кружка моделистов медленно угасает. Только 13 ребят из трехназ 45 могут еще пока мириться с такими неуютными условиями в кружке.

Своих мастеровских школа не имеет. Политехнизироваться вынуждены ученики—первой ФЭС. Шеф школы—Хлебозавод, где вся механика состоит исключительно из хлебомешалки и где дети никак не могут ознакомиться с основными отраслями производства.

Наступила зима. Надо детей обути и одеть, при чем каждому надо дать осязку и платки по мере. А тульские кооператоры еще не научились понимать, что костюм костюму рознь, и обутью такая же окаяна. Им ничего не стоит прислать для дежурек седьмых групп рубашки для пьющего возраста, а для первой ступени—костюмы с жилетками...

Комсомолец-педагог тульской ФЭС Василий Барменков

рот... для учащихся первой ступени они без всякого угрызения совести посылают партию пижамных костюмов с жилетками.

Отлично,—восхищает в таких случаях мать восьмилетнего ученика,—из этих штанов ему трое брюк сасано.

И со всем этим головоутомлением и прорывами физики Барменкову надо вести решительную борьбу. Потому что, помимо преподавания рычагов и электронов, он еще—председатель мекстома. Потому что, помимо физики и профессиональной работы, он еще—помощник завещующего школы. И наконец потому что, помимо всего сказанного, он—один из двух комсомольцев-педагогов, на которых ложится в основном забота об улучшении школьной жизни.

И с раннего утра до вечера, несмотря на скромную академическую нагрузку (24 часа в декаде), физик Барменков бегаёт по различным учреждениям города и отстаивает интересы своих воспитанников.

Желания его очень скромны. Он не претендует на разрешение мировых проблем. Физик Барменков просто хочет, чтобы его 680 овладели «основными науками» и ознакомились с «основными отраслями производства». Он просто хочет, чтобы его 680 имели возможность получить как можно больше культурных навыков. Он просто хочет сделать то, что должен хотеть каждый педагог вообще и комсомолец-педагог в особенности.

И не покладая рук и не жалея ног, физик Барменков старается обеспечить школе производственную базу. И только потому что, он чувствует до конца за собой право держать и добиваться дерзovesого, он благодаря своему упорству на-днях преподнес школе драгоценный подарок. С помощью горкома комсомола сломяно сопротивление хозяйственников. Заключен договор о прикреплении школы к одному из крупнейших цехов Первого госзавода, где когда-то работал и умер его отец—токарь Агафон Барменков.

— Все бы конечно ничего, если бы голова не болела и если бы была возможность как следует подготовиться к уроку.

Он поднимает глаза кверху и вспоминает что-то. В его воображении проходит его основная работа, общественная и руководящая как помзав. школой. Он вспоминает, что помимо всей этой работы, он еще является студентом физико-математического отделения вечер-

него педагога. И вспоминает все это и отсутствие жилья, он несколько мезалюбимости замечает.

— А так трудно приходится, очень трудно. Качество учебы страдает! Негде познакомиться как следует. Шесть часов, которыми и располагаю для того, чтобы поспеть спокойно, вынимаю ночью, ну и... послать как-то хочется... Устаешь ведь за день,—добавляет он извинительно.—А о себе лично, о своих удобствах я уж и не говорю.

А об этом говорить нужно. Нужно потому что, зарабатывая 162 рубля в месяц, он вынужден жить на две семьи. Четыре—малолетних брата и сестры, от 9 до 16 лет, живут «на квартире» в деревне Пянино, на иждивении своего старшего брата. Барменков все время мечтает о том, чтобы перевести их к себе в Тулу, но перевонть их некуда.

Ошибка думать, что ему отказывают в жилищной тульские организации. Ничего подобного. Десятки бумажек уже написаны по этому поводу. Школа обращалась в коминхоз, горнотожне Коминхоза с использованием подвала все бумаги к делу и залесал Барменкова из очереди. Теперь Барменков живет в классе географии и ждет очереди. А она все не приходит, и приходится пока что не собирается. И физик Барменков придумывает задания по своему предмету находку или стое. Ему некогда даже назидать работу физического кабинета, который должен дать детям основы знаний для овладения техникой. И все это больно отражается в его сердце. Он чувствует, что помимо своей воли он является не совсем добросовестным педагогом, не таким, каким должен быть учитель-комсомолец, которому страна доверила воспитание молодого поколения.

— Уйти? Бросить? Привести в исполнение то, что хотелось сделать, будучи еще на втором курсе политехникума? Но разве это возможно?

Вот они—Петя, Гриша и Сеня, переведенные в пятую ФЭС из шестой как трудно воспитываемые дети с худшими качествами. Они сидят в классе по время уроков, шалит, не выполняя учебных заданий. Они уже успели перебыть в нескольких школах, и отовсюду их «с почетом» выпроваживают. Отослать их еще куда-нибудь, в другую ФЭС? Ну, а дальше что? Так им и странствовать по всему городу до тех пор, пока им не надоедет и пока они не бросит совсем учебу?

И физик Барменков ползаете любой мнотой, чтобы поговорить с ними. Петя, Гриша и Сеня начинают славить свои «попозию» и приобшуются к знаниям.

...Тульским кооператорам ничего не стоит прислать для дежурек седьмых групп рубашки для пьющего возраста, а для первой ступени—костюмы с жилетками...

...Его постель—две парты, пальто, кашне и шапка

МОЯ анкета

о выходном ДНЕ

Фельетон С. Кирсанова

Рис. Егана

Я
разослал
анкету ребятам,
И вот,
материалы объединя,
сегодня мы
вопрос прорабатываем
насчет
выходного дня.

Вот это
моя анкета:
1. Как проводил
выходной день?
2. Где?
3. Доволен ли
проведенным днем?

4. Мысли
о выходном.

Писем
получена
целая тачка,
Но как ни жалко нам —
мы публикуем
ответы
Спячкина,

Девчинкера
и Читалкина.
Разобравши
писем пачку,
Поголядим,
что пишет Спячкин:

I

«Уважаемая
«Смена»,
Напрягая нынче
люб,—
я лишь помню,
что по стенам
полз
невероятный клоп.
Глаз открыл
часов в двенадцать
И подмышкой

посещав
За клопом
и стал гоняться
и гонялся полчаса.
Прогонившись
и продрогнув,
занавесил плотно
окна
И свернулся колесом.
Чтобы солнце
не сияло,
влез по темноте
в одеяло
И увидел
дивный сон.
В зоосаде
будто я,
В клетках
зверья лютые,
затевают орлы
красивые игры,
И перед глазами
удивленной толпы
рычат
пятнистые
клопо-тигры
и полосатые
леопардо-клопы.
Из этого сна
я точно запомнил
По кругу
в козьях,
ступая под ряд
смирные
клопные пони
Катали маленьких ребят.
Такие сны
простые и легкие
Дают
и уму и сердцу
немало:
Я получил
урок зоологии,
не вылезая
из-под одеяла.
Проснулся
поздно вечером.
Не глядя
на часы,
решил согреть
себя чайком
и скушать
колябсы.
Сейчас
за стаканом горячего чая,
готовясь опять
в постельную сень —
считаю,

что я
провел не скучая
своей
выходной день.
Мысль моя
в порядке диспута:
ребята,
сворачивайтесь в калачики!
По-моему
главное —
сладко выспаться.
С тов. приветом

Василий Спячкин.
II

Писем молодого мужички
(Ариовля,
Друзепевич
Девчинкер):
«Скажу по правде —
выходной

я посвящала
ей одной.
Она, она
меня зовет,
Она, она
манит.
Я забываю
про завод
в огне
ее ланит!

Щеки
брежу —
брежу
ею!
Подстригаю
усики —
лычу душой
к Марусеньке!
Смываю с шеи
чешуйки пота —
смотрю на фото.
Навожу на прическу
порядок —
любуюсь волною
срезанных прядок.

Капусту
ем —
царапаю вилок
бужу эми!
И в кармане
«Ярлык золотой»,
предназначенный Мане.
Галстук —
радуга

(чем не Торгсен?),
я (для порядка)
хватаю таксы.
Выхожу из таксы,
пацку,
Шофера хлопаю
по плечу.

В Александровском
сквере
меня ожидает
любимая Мэри.
Гуляем взад,
гуляем
вперед,
обшаркали
сад
от ворот
до ворот.
Текут разговоры
о девчатах знакомых:
кто кого любит,
кто кого нет,
влюбляются
или нет
наркомы,
что поизващай,
шатен аль брюнет?
И под нежными
взглядами
брюнетки
отдыхаешь
от бурь
патилетки.
Минуты юности
лови!
День выходной
отдай любви!
А завтра
на работу марш
до следующей
вечеринки.
В чем расписуюсь.
Ваш
Арнольд Джузеппевич Девчинкер.

III

Письмо высокой
идеиной накалки
(Писал
тов. Читалкин).
Читалкин пишет:
«Этот день я
весь отдаю
утехам чтения.
Поскольку —
утро, рассвет, лучи
И прочее —
Душу жалобят,
я чувства свои
неслава включил
в нехлещие строфы
Жарова.
Пишет Жаров
очень ловко,
мне понравилась
весьма

преновеишая
рифмовка:
«Она — весна».
Полдень
тоже
чтеньем наполнен.
Читал газеты
довольно долго.
Мозг
событиями нагружил:
«Известия»,
«Правду»,
«Гудок»,
«Комсомолец»,
«Пищевую индустрию»
и «ЭИ».
Информацию
прочел с раздражением.
Вызвала
поток
пролетарского гнева

статья
о шанхайской конференции
по разоружению
и о бомбардировке
Женевы.
После обеда,
зубами проласкав,
сел
за изучение классиков.
Прочел
«Войну и мир» Толстого
и Шолохова
«Тихий Дон».
Одного из поэтов —
почему у Ростова
с Пьером Мезириком
дрался Наполеон.
Отложил раздумье
до следующего раза,

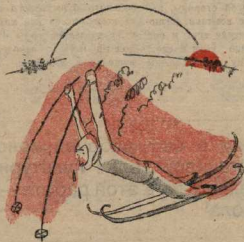
для получения
идеиного заказа
взялся
я за
Маркса за Карла.
Первый том «Капитала»
усвоил за час
(Жалко —
второго не было).
Пришлось,
огорчась,
Прочсть
собрание сочинений Бебеля.
Вечером изучал
языки.
По-честному говорю —
Едва дошел
до слова «синген»
по русско-немецкому словарю.
На сон грядущий
чего-нибудь надо.
Легкое чтение
беру, не ругая.
И засыпаю
(какая отрада!)
С Караваевой Анной
в руках.
В течение
пяти рабочих суток
ни строки
не читаю
я,
Прочитанное же
переваривает рассудок.
Желаю всем.

Читалкин Илья.

Слушайте,
Спячкин,
Девчинкер,
Читалкин!

На этот
журнальный лист
вы карандашом
поэтической калмы
скопированы
с тысяч лиц.
Нечего спорить,
с глазами навьдчат,
нечего доказывать
с пеной у рта,
что день выходной —
это вовсе не выход
бойцов
из строя труда.
Сегодня
схватка
с развальцем и ленью,
за бодрость,
за плаги,
за крепкий замах.
Свободный день —
это сна! накопелсь,
Зарядка
сердца,
рук
и ума.
Этим стихом
на этой неделе
я открываю
сбор
идей,
писем,
стихов
и примеров на деле,
как проводить
выходной день.

Семен Кирсанов

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

С этого номера мы вводим в журнале специальный отдел—Бытовая консультация. «Смена». Каждый комсомолец, каждый молодой рабочий может всегда получить в своем журнале «Смена» ответ на любой интересующий его культурно-бытовой вопрос. Идем вместе с читателями!

ДВЕ «ТЕОРИИ»

I. О «необходимости разнообразия»...

Комсомолка Вера М. (Самара) пишет со своим мужем, комсомольцем: «Мы оба активны, помогаем друг другу в работе, у нас общие интересы. У нас—ребенок. Но жить со мной, муж увлекательнее и живет с другими. Я с ним говорю много на эту тему. Он меня не понимает. Неужели верны рассуждения некоторых моих товарищей, что с одним человеком надо жить, «необходимо разнообразие»? Ведь плох тот коммунист, который непостоянен в семейной жизни; значит он неустойчив и в политических вопросах. Такого коммуниста следует считать коллективом. Меня этот вопрос очень мучает. Прошу ответить мне.»

Прежде всего — надо ответить на этот «разнообразие». Возводить «разнообразие» в принцип и даже цитировать подобной теорией — это значит попросту оправдывать половую распущенность. Такая теория вполне естественна для буржуазной «золотой молодежи», у которой отношение к женщинам определяется просто-напросто инстинктами пресмыкающихся паразитов. Но в устах комсомольцев рассуждения о «необходимости разнообразия» как о каком-то законе половых отношений конечно недопустимы; такие рассуждения ничего общего с коммунистическим подходом к этому вопросу не имеют.

Тов. Вера М. высказывает в том же письме вопрос развода. Она пишет: «Мне посоветовали разойтись с мужем, но мне кажется так просто этот вопрос не решается.»

Верно ли это?

Комсомолец, если он хочет разойтись с женой-комсомолкой и жениться на другой, может это сделать. Осудать здесь за непостоянство в семейной жизни не приходится. Закон «ничего» бра-

ка ничего кроме поповского лицемерия не таят в себе. Нельзя, как это делает Вера М., рассматривать развод как признак «политической неустойчивости». Одно дело «теория разнообразия» и половая распущенность — здесь явные признаки политически вредных настроений и взглядов. Другое дело — развод. Желание разойтись (т.е. нарушить «постоянство» прежней семейной жизни) — это вовсе не обязательный признак политических качеств или политической неустойчивости. Смешивать все это в одну кучу нельзя.

Напомним последний вопрос — о коллективном воздействии.

Если Вера М. убеждена, что муж ее, комсомолец, попросту скатился в болоте буржуазной «игры» с женщинами, она разумеется вправе поставить о нем вопрос в комсомольской организации. Тут уже речь будет идти не о жалобе жены на мужа, а об оценке поведения члена ВЛКСМ.

II. Мещанин ли я?

Комсомолец Ромов рассказывает в своем споре с комсомолкой Кабановой. Оба — бывшие рабочие, сейчас — студенты Химико-технологического института.

«...В течение трехчасового разговора он очень обстоятельно и продуманно выложил мне свою теорию. Он говорит, что он и вообще все комсомольцы, будущие инженеры, новая техническая интеллигенция, в период реконструкции, мощного развития техники должны всесторонне развиваться и готовиться к нашей почетной обязанности. В силу этого к нам жизнь предъявляет особые требования. Мы с женщиной не можем возить с нами просто НЕКОГДА. ПРЕСТУПНО ТРАТИТЬ ВРЕМЯ НА ТАКОЕ ПУСТОЕ ДЕЛО. Но, с другой стороны, поскольку у нас все-таки физиологическое влечение и оно не дает спокойно уйти в свою работу, поэтому мы должны

любым способом добиваться овладения женщиной, в крайний срок, и больше ничего. Меня это поразило, я стал возражать... Он заявил, что Я РАССУЖДАЮ, КАК МЕЩАНИН, А У НЕГО СОЗНАТЕЛЬНАЯ, ТРЕЗВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ.»

Сей «теоретик» и его единомышленники проводили свои «трезвые» взгляды на практике. Одна из жертв Кабанова чуть было не покинула с собой.

— Неужели, выступая против всего этого, — говорит Ромов, — я рассуждаю, как мещанин?

Ответ на этот вопрос содержится в сущности в самом письме «Теория» Кабанова есть то самое, что является в основе буржуазной проституции.

Физиология выдвигает за претивление к спокойной учебе. Но почему физиологическая потребность закрывает от «теоретика» образ женщины-человека, борда, работница? Почему половая жизнь непременно должна совершаться как половое хулиганство и криворот буржуазный разврат?

«Возиться с женщинами — вот еще!» — это выражение раскрывает перед нами не строится социалистического общества, не борьба за коммунизм, а позашкольное мещанин, из которого так и брызжет индивидуалистическое буржуазное скотство.

Жизнь коммуниста и комсомольца — это прежде всего борьба, это коммунистическое творчество, и женщина должна быть его соратником в этой борьбе и творчестве. По теории Кабанова, женщина изводится на степень зоологического объекта. Что тут общего с большевистским отношением к жизни и к половому вопросу? Если тут есть «трезвая политическая мысль», то это — мысль самодовольного буржуазного пошляка, а не комсомольца или коммуниста.

За последние годы в среде молодежи исчезло непременное отношение к женщине, нездоровое

отношение к вопросам любви, брака, но такое вот письмо (а они не единичны) показывают, что мы из нашего быта не выкорчевали еще все то гнилое, что получило в наследство от прошлого. Комсомольские организации должны разоблачать и клеймить подобные «теоритики», авторы которых на «принципиальном» основе» проповедуют антикоммунистические взгляды.

III. Растратчики времени

«Я не понимаю, мы говорим — темпы, темпы, темпы, а обращаемся с временем, как самые преступные растратчики. Никогда собрания не начинаются вовремя, всегда на час — на два, а то и на три опаздывают. Это вошло в привычку. Неужели это зло никак нельзя искоренить? Это стало какой-то бытовой зловью. Все видят ее и все с ней мирятся. Я поднял вопрос в бюро нашей ячейки, секретарь со смехом ответил: «Ничего не поделаешь». А по-моему, это — обломовщина и апатизмизм. Когда я это сказал, секретарь рассердился и заявил мне, что ничего делать не могу слона. А я стою на своем. Временем мы должны дорожить, все равно как строительным материалом. Вот как я понимаю тему.»

В. ЖЕЛЕЗНОВ (Ленинград).

Что тов. Железнов прав — это нечего и доказывать. Ответ секретаря («Ничего, мол, не поделаешь») — яркий образец обломовского отношения к бюджету времени. Борьбаться с опозданиями, действительно ставшими «большей бытовой зловью», надо и можно.

Было бы очень полезно, если бы в каждой комсомольской ячейке конкретно осудили вопрос, как снизить до минимума бесцельную трату времени в ожидании открытия собрания.

Опыт борьбы ячейек с этим злом мы будем освещать.

«Ввести культуру в быт рабочей молодежи, привить ей культурные навыки, организовать ее культурный досуг, изжить шаблон и приспособленчество в этой работе — вот что требуется от ленинского комсомола!»

(Носарев)

Шахматы

Под редакцией Л. Гугеля

ЗАДАЧНЫЙ ТУРНИР

Шахматная композиция один из интереснейших видов многообразного шахматного искусства. До настоящего времени не имеет своего большого количества соревнований, какое имеет практическая игра.

Почему? Не потому конечно, что к самой природе композиции не принадлежат различные соревнования. Это несерьезно. Причина в том, что до самого недавнего времени композиция была явлением несомасовым. Составители задач и этюдов могли бы пересчитать по пальцам.

Сейчас этого нет. Идеи шахматной композиции пошли глубоко в массы шахматистов. Количество составителей выражается уже не единицами, а сотнями. Любителя же, интересующихся решением задач и этюдов, можно насчитать тысячи.

Необходимость создания ряда новых форм в массовой работе очевидна. Но, правда, не всем. Чем, как не консерватизмом и нежеланием ищущих работу задачно-этюдных отделов наших центральных изданий—журналов «Шахматы в СССР» и «62»—заказывать шахматных традиционных конкурсов, собирающих десятки три-четыре участника?

Одной из новых и интересных форм работы по композиции является так называемый «задачный турнир». Первые формы его предложены Б. Чебаковым, организатором и руководителем ряда соревнований по перенеске.

В чем состоит этот турнир? Вот примерные условия его:

1. В каждом турнире—3 участника (можно из разных городов), знакомых с составлением шахматных задач.

2. Каждый участник турнира составляет в течение 3 месяцев 7 задач—по одной на каждую противную.

3. Для каждого турнира редакция журнала выделяется арбитр (жюри), которому передается составленные участниками турнира задачи.

4. При оценке своих задач каждый участник турнира пишет при каждой задаче, «против» кого она предназначена.

5. Из собрания каждой пары задач (например: задачи Иванова, предназначенной им «против» Петрова, и задача Петрова «против» Иванова) жюри определяет победителя. Если задачи по качеству равны, присуждается ничья.

Организованный по этой программе турнир № 1 (участники в нем: Баранский А. К. (Ст.-К. Край), Черников Б. Ф. (Фастов, УССР), Орлов А. С. (Пена), М. Ларин (Москва), Б. С. Чебаков (Москва), Уткин (Москва)) уже успешно подходит к концу.

Мы открываем запись в турнир № 2 (на помещенных выше условиях) и в турнир № 3 (тематический). В турнире № 2 жюри А. Студенцев, в № 3—Л. Гугель. В турнире № 3 могут участвовать лишь составители, имеющие знакомство с задачными темами. Подобные условия будут высылаться каждому участнику.

Знавшие в каждом турнире первые два места получают премии (соответная или иностранная шахматная литература).

В чем основное достоинство этой новой формы композиционных соревнований?

Основное то, что каждый участник такого соревнования получает от опытного составителя (жюри) развернутую критику и оценку его (участника) творчества. Это для начинающего имеет огромное значение. Более квалифицированный составитель тематического турнира узнает, над какими темами следует работать, познакомится с новинками.

Мы призываем всех составителей—и начинающих и квалифицированных—принять активное участие в этой новой форме работы участников в ней и разыскиваем новых ее видов.

СЫГРАЙТЕ СИЛЬНЕЕ ШПИЛЬМАНА

Недавно за границей происходила матч между известным шахматистом Шпильманом и недавним претендентом на звание чемпиона мира Боголюбовым. Победителем в этом матче вышел Шпильман.

Шпильман—блестящий комбинаторный игрок. Он участвовал почти в полустоте международных турниров, завоевал около десяти первых призов. Но не всегда Шпильман индивидуалистическом обществе на шахматы как творчество обращают значительно меньше внимания, чем на спортивную сторону их. Поэтому Шпильман вынужден слишком часто играть в различных соревнованиях. Это конечно отражается на его творчестве.

Вот позиция, случившаяся в партии Шпильман (белые)—Нимович летом 1911 года. В нервной обстановке, сопутствующей каждому буржуазному соревнованию, Шпильман не нашел правильного продолжения и сыграл h2—h3. Это надлежит затнуду бороться. Между тем в этой позиции белые могли быстро решить партию в свою пользу.

Как—найдите сами. Сыграйте в этой позиции сильнее гроссмейстера Шпильмана.

Фамилии гроссмейстера, которым это удастся, будут напечатаны в «Смене».

К НАШЕМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНКУРСУ

Ввиду огромного количества задач, полученных на этот конкурс, значительно усложнилась техническая сторона этого мероприятия. Поэтому задерживая присуждение и опубликование результатов конкурса.

Задача № 44

Г. П. Калугина

G. Kalugin

Мат в 2 хода

7-4-5

Задача № 45

С. Лейтеса и Е. Умнов

S. Leites and E. Umnoff

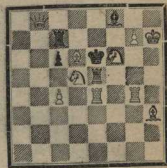
Мат в 2 хода

13-4-8

Задача № 46

А. Я. Рыраховского

A. Rirachowski

Мат в 2 хода

10-1-6

В № 2 „СМЕНИ“ в отделе „Шахматы“ во вине типографии выпал абзац. Перед словами „Это получается...“ надо читать: „Во в нашем шахматно-шахечном движении имеются еще недостатки. Тут и „чемпионство“, и своеобразный профессионализм и т. п.“

В настоящий момент присуждение почти закончено и в № 6 «Смены» будет напечатано.

РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОГО КОНКУРСА ПЕРЕИСКНИ

Этот конкурс, охватывавший сравнительно небольшое количество задач, был значительно легче, чем первый. Этим и объясняется то, что I—VI место поделила шесть человек, набравших максимальное количество очков (по 13): победитель I-го конкурса—И. Вахрушев (Харьков), П. Кисин (Ужур, Томской г. д.), Н. Лобанова (Детское село), Я. Лундин (Харьков), Л. Никитин (ст. Шахматовская, Дальневосточного края) и В. Исслербум (Казань). Было 33 примерами встали имеющие по 11 очков В. Сааов (Ленинград) и П. Флерин (Запорожье—Камениское), призеры I-го конкурса.

Включившись в конкурс, попал, что в соревновании «Смены» включаются все новые и новые массы шахматистов. Каждый конкурс награду со «стремительными» участниками и победителями ранее присланных конкурсов—выдвигает в ряд лучших «новичков», впервые выступавших в подобном соревновании.

ТУРНИРЫ ПО ПЕРЕИСКНИ

Начались еще два турнира:

Турнир № 4 (общий)

Участники: Сабуров Е. А. (Буй), Косенко Е. З. (Камениское), Кислин А. Г. (Омск), Глушаков В. И. (Сталинград), Калинин А. А. (Воронеж), Зацев М. В. (Вольск), Винников Н. М. (Шахты).

Турнир № 5 (учащихся)

Участники: Кац И. Б. (Шахты), Порявев Г. А. (Омск), Петелин В. П. (Томск), Бондарев Д. С. (Харьков), Ермолов А. (Калинин), Стеценко В. К. (Киев), Гурович К. (Москва).

Идет запись в турниры: общий, женский, для работающих в машиностроительной промышленности, для учащихся вузов, техникумов и фабрик.

Для зачисления в турнир нужно сообщить свое имя, отчество и фамилию, домашний адрес и адрес работы (бюро), возраст, социальное положение, партийность и шахматный стаж.

Стоимость переписки не превышает, как всегда, один, двух рублей в месяц. В ближайшее время будут выпущены специальные бланки, которые снижат эту сумму до 50 копеек.

Вызов.

Я. Лебелев А. С., участники турнира № 2, объявили закончить турнир без дальнейшего нарушения права его.

Вызвано сделать это же всех участников турнира.

А. Лебелев (п. о. Сытково, Зап. обл.).

И Т С А X Б Ш

